

Анна Бурчик

Ириска на счастъе

Анна Николаевна Бурчик

Ириска на счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48511953

SelfPub; 2020

Аннотация

Не всё то золото, что блестит. Эта нехитрая истина сопровождала Наину последние несколько лет. Можно ли познать сказку, окунуться с головой в любовь, когда будущего нет?

Содержание

Пролог	4
Глава 1 (Наина)	7
Глава 2	18
(Артем)	18
(Тимур)	31
Глава 3 (Наина)	39
Глава 4 (Артем)	51
Глава 5	64
(Наина)	64
(Тимур)	71
(Артем)	79
Глава 6	90
(Наина)	90
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Пролог

– Я не советовала бы вам обращать внимания на эту девочку...

– Почему нет? Она так плоха? Она больна? Агрессивна?

После непродолжительного молчания директриса посмотрела в окно. На улице царила весна. Солнце припекало, как летом, но еще не было того разнотравья, что сопутствовало этому времени года. Голоса детей с улицы доносились до обитателей кабинета, словно из другой реальности. Толстые стеклопакеты, установленные добрым спонсором, не позволяли отчетливо различать слова и крики по ту сторону стекла. Это помещение было отрезано от внешнего мира томящей тишиной ожидания.

Мужчина и женщина средних лет сидели в своих креслах и внимательно наблюдали за директрисой. И то, что она молчала, давило морально на их восприятие информации, которую они должны были услышать. Нервы начали сдавать, и женщина крепко вцепилась в руку своего спутника. В утешении он накрыл ее кисть своей большой и крепкой ладонью.

– Знаете, – задумчиво произнесла директриса, и ее взгляд вернулся к паре перед ней, – Это очень сложный ребенок.

– И что это значит? – требовательно спросил мужчина.

– Она уже не ребенок, но еще не взрослый человек. Это подросток. У нее переходный возраст. Буйство гормонов,

взрывной характер, тяга к приключениям, – вздохнула директриса. – Ее удочеряли уже пять раз, но не проходило и полугода, как она сбегала или ее возвращали по тем или иным причинам. Она не умеет ладить с людьми, да что там говорить, она даже с детьми играть не хочет. Этот ребенок обречен на одиночество.

– А что говорит ваш психолог? – поинтересовалась женщина.

– Он только руками разводит, – усмехнулась директриса. – Девочка умна не по годам, ее психика в полном порядке, развита эмоционально и физически очень хорошо. Но... неуправляема.

– Как давно она у вас находится? – спросил мужчина и пристально посмотрел директрисе в глаза.

– Лет десять или около того, ее привели органы опеки, – покачала седой головой женщина.

– Что же с ней случилось в семье, что она так ведет себя сейчас? – всплеснула руками спутница мужчины.

– Валентина Семеновна, я знаю только то, что родители девочки увлекались не только спиртным, но и наркотиками. Их лишили родительских прав, и никто не знает, что с ними было дальше. А я могу только догадываться, какие ужасы претерпело детское сознание в возрасте трех лет.

– Бедная девочка, – на глаза доброй женщины навернулись слезы. – Мы должны ее удочерить! Мы должны ее забрать отсюда.

– Валя, ты уверена?

– Да, Володя, я чувствую, что мы нужны ей, – всхлипнула

Валентина.

– Я всегда доверял твоей интуиции, а когда не послушал – получилось, что получилось, – вздохнул Владимир и обнял свою супругу.

Женщина опустила свою голову на плечо мужа и тихо вздохнула, расслабляясь в родных объятиях. Они замерли в этой позе на считанные секунды, но директрисе детского дома не понравилось их долгое молчание. Она привыкла к быстрым и решительным действиям и, видя их эмоциональную связь, улыбнулась про себя, что это именно те люди, которые смогут сладить с этой оторвой.

– Мы удочерим ее, – твердо решил мужчина и прямо посмотрел в глаза седовласой женщине напротив.

– Вы хорошо подумали? – только уточнила директор детского дома.

– Да, нам нужна Наина!

Глава 1 (Наина)

Новый учебный год недавно начался, но я не привыкла расстраивать своих родителей, поэтому сижу в библиотеке института и готовлюсь к очередному семинару. Мне очень нравится, что мной гордятся. Мама всегда говорит, что из меня выйдет отличный дизайнер, а папа с ней во всем соглашается.

Сколько лет прошло с тех пор, как они взяли меня к себе? О, уже почти семь. Я не думала, что когда-нибудь смогу чужих людей назвать своими мамой и папой. Но Валентина и Владимир изменили мое отношение к людям. Они совсем не похожи на тех, кто удочерял меня только из-за наживы и бесплатной рабочей силы. Они добрые, отзывчивые, понимающие. Валентина всегда старалась стать мне, нет, не родительницей, но подругой точно. А Владимир всегда защищал и научил меня некоторым приемам самообороны.

Я долго не могла признать их заботу и участие, но некоторые ситуации нам не подвластны. И вот, мои новоиспеченные мама и папа, а я их называю именно так уже около трех лет, полностью завоевали мое сердце и доверие. Пусть они не приходятся мне биологическими родителями, но я чувствую их, как самых дорогих людей в моей жизни.

Мы вместе проводим праздники, ездим отдыхать, делимся событиями нашей непростой жизни. Мы даже понимаем

друг друга с полуслова, с полу-взгляда. Конечно, к идиллии мы шли долгим и правильным путем, хотя набили мы шишек, ой как много. Но теперь я даже не задумываюсь о том, что было бы со мной, не приди они в тот детский дом.

Возможно, я не дожила бы до совершеннолетия. Это часто происходит, особенно, когда приходится идти в одиночку против системы. А может быть, я смогла бы вырваться из этого ада и стать беспризорником, ночевать в подвалах и теплотрассах, побираться у переходов или воровать. К тому же, еще одним вариантом могло стать занятие проституцией. Бррр! От таких мыслей меня передернуло, а ручка выпала из моей руки и покатила по полу библиотеки.

Я не из тех людей, кто легко сдается. В моей жизни было много черных полос, но и светлые случались. Хоть я и привыкла решать свои проблемы сама, но умею принимать помощь, когда она от чистого сердца. И сейчас, ползая под столом в поисках пишущего устройства, я наткнулась на пару мужских лакированных ботинок. А блестят-то как. Начищенный самовар ей богу.

– Кажется, это твое, – мне протянули ручку с синей эмблемой моего любимого анимэ.

– Да, мое, – взяв ручку, пробормотала я и, наконец, вылезла из своего укрытия. – Спасибо.

Напротив меня стоял парень, очень симпатичный парень. Яркий блондин смотрел на меня своими темно-синими глазами очень внимательно, словно изучал неведомую зве-

рушку. Ну, да. А кого он хотел увидеть? Анжелину Джоли? Ага, а тут я вся такая непричесанная и страшная. Умора! Стоит, молчит и пялится. Что, слов нет описать такую красоту? Но тут он спохватился, в глазах мелькнуло понимание, что пауза затянулась, и он прокашлялся.

– Кхм, прости, – залепетал парень, застенчиво улыбаясь. Знаю я эту улыбочку! Хочет зацепить девчонку, но продумывает варианты. – Готовишься? Ты уже давно здесь.

А взгляд синих глаз наблюдает за моей реакцией, плечи понурил, сгорбился. Роль хорошего мальчика отыграна на отлично. Сейчас бы еще и скрипку, и образ закончен. Ага, как бы не так. Хороший он, ой ли. Старше меня на курс. Видела я его несколько раз с разными девицами «необыкновенной» внешности. Ох уж эти... парни. Не интересно! Меня вообще не прельщает общение с типами, которые пытаются снять девочку на ночь. А от этого так и разит эдаким смазливym мажорчиком, которому все должны отдаваться сразу и бесповоротно. Не прокатит!

– Готовлюсь, у меня важный семинар. Прости, на болтовню времени нет, – я пожала плечами и заняла свое место у учебника, всем видом давая понять, что не настроена на знакомство.

– Ну, может, все-таки можно пригласить тебя на кофе, – предложил парень, нависая над моим столом.

Я, оторвав взгляд от книги, подняла голову, безмятежно смотря в синие глаза. Довольно высок, красив, приятен, но...

Не нравится. Не хочу общаться. Не буду.

– Я же сказала, что я занята, – с нажимом повторила я, а во взгляд добавила холод.

– Так я не настаиваю сейчас, – начал упираться мажорчик. – Может, завтра?

– На каком языке еще я должна повторить, что мне не интересно? – прорычала я.

Еще немного, и я сорвусь. Его прилипчивое внимание мне вообще не нужно. Клей хороших девочек подальше от меня, если не хочешь узнать, какой я бываю «хорошей». Думаю, мой зверский взгляд сказал ему много нравоучительного, парень нехотя отклеился от моего стола и пошел на выход. Для своего успокоения я проводила его мысленно до двери и вы-проводила восвояси.

Как только он скрылся из моего поля зрения, я вздохнула с облегчением. Этот семинар не просто посидели – перекинулись парой слов – и разбежались. Я должна раскрыть полноту понятия «дизайн», а точнее понимать и принимать его в полной мере. У меня есть вопросы, которые я хочу обсудить, по diskutieren на эту тему. А кто мне может помочь в моем развитии, как не преподаватель?

Проведя со своим подсознанием дебаты на тему «Как мне нравится выбранная профессия», я предалась изучению сопутствующей литературы. Зашуршали страницы всевозможных книг и журналов, и я погрузилась с головой в работу. Время пролетело не заметно, а когда я оторвала голову от

заметок и посмотрела в окно, на дворе было сумеречно. «А я обещала маме прийти пораньше», – проскользнула нехорошая мыслишка. Не хотела опаздывать, но, видимо, придется.

Скидав записи и ручки в рюкзак, я отправила смс-ку маме: «Немного задержалась. Скоро буду». Надеюсь, родители не будут накручивать себя и переживать из-за меня. Я, вообще, стараюсь их меньше всего нервировать. Они хорошие люди, и я их очень сильно люблю.

Накинула куртку и на ходу натянула вязаную шапку на глаза. Со своим образом я не заморачиваюсь. Блеклый силуэт в штанах и свитерах, все, что нужно мне ранней весной. На улице еще холодно, да и красоваться я не умею, точнее не хочу. Хотя я не уродина, даже рядом нет. Просто не люблю привлекать к себе ненужное внимание. Это может плохо, очень плохо, закончиться. И этот урок я уяснила еще в старших классах.

Я вышла из здания института и бегом помчалась к остановке маршрутных такси. Несколько раз поскользнулась, и чуть-чуть не распласталась на тротуаре, как корова на льду. Однако, удержала равновесие и, тихо посмеиваясь про себя, продолжила забег с препятствиями.

На выходе из двора мне преградила путь высокая фигура так, что я почти в нее врезалась. За своими мыслями я не сразу заметила препятствие, тем более шапка, спущенная на глаза, и взгляд, устремленный себе под ноги, не давали полный обзор на окружающий меня мир. Так что меня, как ко-

тенка, схватили за шиворот и встряхнули.

– Смотри, куда прешь, пацан, – рыкнул знакомый голос, а мое сердце ухнуло в пятки от воспоминаний, что связаны с ним.

– И-и-извини, – пискнула я не свойственно мне тихо и неуверенно, не поднимая лица.

Меня нехило толкнули в сторону, нечленораздельно матюгнулись и прошли вглубь институтского двора. Колени дрожали, сердце билось с перебоями, а в горле застрял крик. «Спасите!!» – мысли путались, но я решительно взяла себя в руки и опрометью побежала. Вперед, подальше отсюда, быстрее.

Остановка осталась позади, как и несколько кварталов. Ноги сами несли меня домой. Этот путь на автопилоте я могла пролететь и не заметить. Только бы скорее оказаться дома, с моими мамой и папой, с чувством защищенности и покоя.

Казалось, что я бегу уже очень долго, не разбирая дороги, глотая урывками холодный загазованный воздух. А в голове крутится один единственный вопрос: «Зачем он появился?» Из глубины души, где спрятаны самые сложные и не очень хорошие воспоминания поднимается страх. Мохнатыми паучьими лапками он царапает кожу, разрывает и впивается в нервные окончания. Я боюсь. Да, я в ужасе. Не хотела этого вспоминать, но он опять врывается в мою жизнь. И я догадываюсь, что это разрушит ее окончательно.

Мое внимание привлекает скрип тормозов, и машина

останавливается передо мной, выпрыгивая на тротуар. По инерции я делаю еще пару шагов вперед и останавливаюсь, не зная, чего ожидать. Дверь с водительской стороны открывается и выходит мой ночной кошмар. Высокий и крепкий парень без шапки и в куртке нараспашку. Его лицо светится улыбкой, а в свете проносящихся фар его глаза вспыхивают нечеловеческим огнем. Опасный. И страшный. Мои внутренности холодеют.

– Садись в машину, Белова, – приказывает с рычанием Борис.

Я загнана в ловушку. Мне не убежать. Я знаю, на что способен этот... этот... Да я даже слов подобрать не могу. А смотрит-то как, словно на лакомый кусочек позарился. Предвкушение в его глазах смешалось с азартом. И чего это мы так пялимся? Что-то мне не нравится этот голодный взгляд. Неужели он мне отомстить решил за тот случай в школе? Да быть такого не может. Хотя... Холод сковал позвоночник.

Взгляд снова и снова возвращается к его блестящим глазам. У людей не бывает таких. Или он просто не в себе? В горле застрял ком, и протолкнуть его оказалось еще той задачей. И опять эти чертовы глаза. Не могу в них смотреть, словно все черти ада всплыли на поверхность и ждут моей смерти. Смотрит, как кровожадный зверь.

Зверь? Монстр из моих кошмаров вышел из тени и показал свои клыки. Неужели его инициировали? Это когда

же такое могло произойти? Борис? Он получил вторую сущность? Не может быть. Я... я не могу в это поверить...

А злить инициированного зверя, ой как не хочется. Да, нельзя. Это очень опасно и может закончиться плачевно. Еще недавно никто и не догадывался о существовании людей с сущностью зверя, которые могли перевоплощаться в животных. А я узнала, когда мои родители меня удочерили. Владимир. Он один из них. Его вторая сущность медведь. А Валентина просто его любит таким, какой он есть. И я любила. Было трудно привыкнуть к такому повороту моей жизни, но они доказали, что я нужна им. С ними я в безопасности.

Борис обошел машину и открыл пассажирскую дверцу. Все это время я боялась пошевелиться и ненароком спровоцировать его на какие-либо действия. Он смотрел прямо, улыбка не сходила с его лица. И было что-то зловещее в нем, во всем.

– Садись в машину, колючка, – прошипел парень, отчеканивая каждое слово.

Хлопнула дверь рядом стоящего салона связи. За моей спиной смачно выругался мужчина. На плечо легла большая ладонь и тихонько сжала его, а потом меня немного отодвинули в сторону. Хотя не совсем в сторону, скорее задвинули подальше. Передо мной оказалась широкая спина. Мужчина оказался довольно высоким и широкоплечим. В отсветах проезжающих фар я могла разглядеть лишь камуфляжную

военную куртку, такие же штаны и берцы. И, как бы сильно я желала помощи, но со зверем не сравнится обычный человек, даже военный.

– Проблемы? – тихий, но властный голос ворвался в мое восприятие действительности. Бархатный, с нотками хрипотцы и рычания. Я кожей почувствовала силу ауры этого человека. Да, что же это происходит? Тоже зверь? Я влипла!

Хаотично перебирая все возможные пути отступления, я начала оглядываться назад. Если мне удастся добежать до того магазина, я могла бы затеряться в толпе покупателей. Их запахи могут сбить Бориса со следа, а я мышкой прошмыгну в подсобные помещения и выйду с другой стороны здания. Тут до дома рукой подать.

– Никаких, – уверенно ответил кошмар наяву и ехидно добавил, – Мы тут с моей девушкой разговариваем.

– А разве ты не в курсе, что твоя девушка от страха вот-вот в обморок грохнется? – так же спокойно говорил второй зверь.

«А ничего, что эта полуобморочная стоит рядом и все слышит?» – недобро усмехнулась я и начала пятиться к магазину.

Может быть, пока они заняты беседой, я смогу выиграть немного времени еще пожить.

– Это она от счастья, – фыркнул мой кошмар. – Давно не виделись.

Шаг, еще один, еще чуть-чуть. На меня никто не обращает

внимания. Вот спасительная дверь. Я разворачиваюсь и бегу, что есть мочи. Хорошо, народу много, и стеллажей тоже. Пару секунд я кружусь рядом с полками, а потом натыкаюсь на работницу зала. Молодая приятная девушка смотрит на меня подозрительно, но молчит.

– Помогите, – шепчу я. – Где запасной выход?

– Убегаешь? – прищурилась она. – Бойфренд?

– Ага, – киваю я, как китайский болванчик. – Спасите!

– Видишь ту дверь? – показала девушка в сторону. – Там коридор, в конце его найдешь выход на задний двор.

– Спасибо, спасибо, – затараторила я и, на полном ходу, бежала в длинное, тускло освещенное помещение.

Некогда раздумывать, что там, и как закончилась встреча двух «друзей». Я неслась к выходу, налетая на коробки, расставленные вдоль стен. Легкие горели, но останавливаться нельзя. Как и принято, на заднем дворе были мусорные баки, заполненные до отказа за время работы магазина. Узкий переулок я миновала без происшествий. Еще пара домов, и моя конечная цель будет на ладони.

Перекресток впереди. Мелькает желтый сигнал светофора, сменяясь зеленым для пешеходов, и я лечу на дорогу. Я успею. Но я не учла, что машины не всегда следуют правилам дорожного движения. Пиканье светофора разрезало визгом шин. Меня снесло ударом о передний бампер громоздкого, наверно, внедорожника. Чьи-то крики, смешались с гудками клаксонов. Боль опалила все мое тело. Я даже испугаться

толком не успела. Мгновение, и сознание накрыла пустота,
переплетенная с тьмой.

Глава 2

(Артем)

Как же давно я не был дома... Отпуск не брал долгих семь лет. Как после армии попал на службу по контракту, так и о доме забыл. И все из-за отца. Он, видите ли, хотел из меня нормального человека сделать, а не тупого говнюка из золотой молодежи. Не нравились ему мои друзья, подруги и закидоны по поводу получения адреналина. Он хотел, чтобы я пошел на юридический, ну, или хотя бы в университет. Не пошел!

Назло ему я отправился на медкомиссию и в комиссариат, а уже оттуда попал в спецназ. Так и остался служить. Конечно, с моим-то здоровьем только долг Родине отдавать, а то, что на половину зверь, так даже лучше. Все-таки хорошо, что люди узнали правду о нашем существовании. Теперь не приходится скрываться, хотя нас до сих пор еще побаиваются.

Несколько дней назад вернулся со своей группой с задания. Разведка наше все. А на столе меня ждет конверт. Сердце ухнуло от плохого предчувствия. Из дома никогда не писали. Отец, оно и понятно, до сих пор в обиде на своего нерадивого сына. Он всегда говорил, что я пример для подража-

ния, и должен соответствовать. Будущий Альфа. А я ему даже не сказал, просто уехал в неизвестном направлении. Даже брат отмалчивался. А тут мама отправила весточку. Значит, дела плохи.

Разорвал конверт и развернул, исписанный красивым каллиграфическим почерком мамы, тетрадный листок. Первые строки сухо приветствовали меня, значит, и она до сих пор не отошла от моей выходки. А вот дальнейшее чтение захватило меня с головой. Грядет переворот. Отец еле держится на своем месте, а «оба сына неизвестно где шатаются». Даже обидно стало. Еще и стая Старкова отказалась поддержать, им тоже нужна власть. Город готовы разорвать на части. И в этом случае главенствующий Альфа останется без головы. Стаю просто на просто вырежут, чтобы не смогли поднять бунт. Эти кровожадные обычаи меня расстраивают. Ну, не могут звери решить все мирно, им крови и зрелищ подавай. Одно дело Родину защищать, территорию свою, а в мирное время можно и за стол переговоров сесть.

Нехороший осадок остался от этого письма, но на душе было тепло. Мама. Она написала. А между строк я вычитал ее беспокойство и любовь. Ей, как Альфе нельзя показывать слабость, но она всегда любила нас с братом и дарила свое тепло. Как же я соскучился по своей стае. Не передать словами. Пора возвращаться!

Несколько дней потратил на то, чтобы расторгнуть контракт. Это было просто. Не использованные отпуска за эти

года ушли на погашение оставшегося срока службы. В общем, списали в запас и забыли. Еще ушло несколько дней на возвращение домой. Не люблю летать на самолетах, поэтому выбрал поезд и всю дорогу любовался красотами Родины.

Ранняя весна. Середина марта. Еще снег и лед, но уже веет теплом и новой жизнью. Лазурное небо чуть подернуто облаками, а яркое сияющее солнце манит за собой. Моя сущность ощущает все не так, как обычные люди, я более чувствительный, что ли. Осязание и обоняние расслабляются, но в то же время, просыпается какое-то шестое чувство ожидания и предвкушения чего-то нового и захватывающего. Никогда не обращал внимания, а сейчас ощущаю себя странно. Возможно, это просто смена обстановки так на меня подействовала, а может, красочный пейзаж, пролетающий за окном.

Город же встретил меня сумерками. Вокзал гудел, как пчелиный улей. Люди сновали туда и сюда, кричали, кто-то ругался, стражи порядка блюли осмотрительность и подозрительность. Даже у меня документы проверили. Жизнь бьет ключом. Здесь никогда не закончится суматоха. Я усмехнулся про себя и пошел к такси.

– В центр, – скомандовал я своему водителю, когда договорились о цене.

Станный народ. Все хотят оторвать кусок побольше. Простой человек, но во всем найдет выгоду. Не знай я свой город, он возил бы меня часами, и в конечном итоге, потребовал бы двойной тариф. А я еще и второй сущностью отли-

чу правду ото лжи. Мне не привыкать.

Достал телефон, желая позвонить брату, надо же где-то перекантоваться пару дней. Чудо человеческой техники издало умирающий писк и сдохло. Да, этому гаджету доставалось от меня по полной, его век был прожит не зря, но мне придется приобретать новое устройство связи. Да, хотелось бы что-нибудь поновее допотопного кирпича и с хорошей камерой. Мысли сразу же побрели в сторону..., короче, не в ту. Ну, а что? У меня давно никого не было, даже на пару минут. Соскучился по теплу податливого тела, умелым губкам и щенячьим глазкам.

– Шеф, мне телефон нужен. Тормозни у магазина.

– Конечно, тут недалеко, – отозвался пожилой бородач.

И через пару минут машина стояла у светящейся двери, через которую я и увидел витрины с новомодными устройствами.

– Я скоро, – бросил на ходу и выбрался на морозный воздух.

Вздохнул городской смог, выхлопные газы забились в нос. Я непривычно поежился от чикотки и фыркнул. Отвык. Так, теперь морду попроще и вперед. Сумасшедшая духотища окутала меня, когда я открыл дверь. Звякнул колокольчик, оповещающая всех, что появился новый клиент. Из-за стойки ко мне шагнула приятной внешности молодая девушка. Высокая, статная, с короткой стрижкой и в строгом брючном костюме. Правда, улыбка ее показалась мне натянутой и

неестественной. Сразу отбила все желание общаться.

– Вам помочь? – негромко спросила она. Голос приятный, мягкий, немного уставший.

– Мне нужен телефон, – ответил я и добавил, – С хорошей камерой.

Девушка двинулась к стеллажу со смартфонами. Ну, цены так себе, хотя, вон тот красненький аж под сотню тянет. Неее. Мне такое бабское нечто даром не нужно. Взгляд упал на черный экран серебристого гаджета. А вот это уже что-то. Плоский, длинный, но не громоздкий.

– Покажите вот этот, – указал я на приглянувшуюся коробочку.

В два счета телефон оказался передо мной, включился его экран. Провел пальцем, открыл меню. Вроде, все устраивает. А да, чуть не забыл.

– Беру, – констатировал я, отдавая технику продавцу. – Мне еще бы симку...

– Какой тариф желаете? – поинтересовалась девушка Катя. Так написано на ее бейдже.

– Еще не знаю, возможно, буду звонить, копаться в интернете... – неопределенно пожал плечами.

– Хорошо, – тихо сказала она, присаживаясь за свой компьютер. – Ваш паспорт?

Документ лег рядом с ее рукой. Катя быстро набрала нужный текст, что-то щелкнула и спросила:

– Оплата наличными или картой?

– Карта, – выудил я из внутреннего кармана прямоугольный серебряный пластик.

Писк оповестил об оплате покупки, а передо мной легло техническое устройство и маленькая квадратная карточка. Девушка мило улыбнулась и поздравила с приобретением.

– Спасибо вам, Катя, – поблагодарил девушку и забрал свои добытые с таким трудом трофеи.

Теперь у меня есть средство связи, могу позвонить брату и буду надеяться, что он у меня ничем не занят. Надо отметить встречу и узнать, как дела в стае. Мне не дает покоя вопрос, что там могло произойти, что все начали борьбу за власть?

Стоило открыть стеклянную преграду, отделяющую душное помещение от улицы, как в нос ударил запах, нет, это даже запахом назвать нельзя. Вонь, точно! Вонь страха. Такая концентрированная, что я качнулся назад. Хорошо, устоял на ногах. Тряхнул головой и разглядел прямо передо мной небольшую фигурку. Мальчишка, ей Богу. Черная куртка-пуховик, вязаная шапка и рюкзак безразмерный. Лица не вижу, так как он стоит ко мне спиной. Это от него так прет страхом?

– Вот черт! – смачно получилось.

Втянул воздух. Страх, аромат медведя, и еще еле уловимое, сладкое, чуть щекочет рецепторы. Не могу понять что, но мне как-то не по себе стало. Задвинул мальчика себе за спину и вижу издевательский оскал молодого парня. Это он сейчас с пацаном общался? Сразу учуял максимализм инициации.

рованного шакала. А по-другому его назвать и нельзя. Стоит весь из себя такой важный, лыба до ушей, глаза горят охотничьим инстинктом. Так он охотился? На кого? На ребенка?

– Проблемы? – захотелось шею свернуть наглецу, хотя нет, сначала узнаю, чей, потом сверну.

– Никаких, – издевается молодняк. – Мы тут с моей девушкой разговариваем.

Так это еще и девушка? Нет, я не понял, чего он к медведице молодой пристал. Или это у него гормоны? Надо все отыметь, что двигается? Так и прет феромонами.

– А разве ты не в курсе, что твоя девушка от страха вот-вот в обморок грохнется?

– Это она от счастья, – ухмыляется парень. – Давно не виделись.

– Даже так. Ну, это меняет дело, – нахмурился я, а спиной чувствую ее пристальный взгляд.

Прислушался, ее сердечко застыло, почти не бьется, дыхание чуть уловимое, а вонь страха начала затихать. Не вижу ее, но знаю, что она старается ускользнуть. Молодец, нечего двух отморожков слушать, спасай свою шкурку. Находчивая и сильная. Слышу шуршание ее ботинок по тротуару. Еще немного отошла. Так, надо сосредоточиться на шакале прямо по курсу. Я все-таки решил его задержать.

– А что так долго пропадал? – разрядил я обстановку. – Служил где?

– Ага, у отца на даче ошивался, пока волк не проснулся, –

фыркнул парень, а гордости полные штаны.

– И как давно проснулся? – любопытствовал я.

– Полгода как, – высокомерно отозвался парень и глянул мне за спину. Зло прищурился и зарычал, – Из-за тебя упустил свою добычу, придется ее выслеживать, – и заорал на всю округу, – Белова, я тебя из-под земли достану!

Хлопнул пассажирской дверцей, обошел машину и сел за руль. Глянув на меня пристально, ударил по рулю. Заревел мотор и машина скрылась в неизвестном направлении. А я вздохнул с облегчением, он не пошел ее искать. Ей удалось убежать. Хотя, погоня только разозлит зверя.

Я сел в свое такси и набрал номер брата. Гудки длились, но никто не брал трубку. Я уже отчаялся, но мои молитвы были услышаны.

– Слушаю, – раздался приглушенный и усталый голос Тимура.

– Здорова, брат, – приветствовал я.

– Артем? Ты? – неверие и удивление вперемешку с облегчением. – Ты вернулся? Где ты? Тебя забрать?

– Тим, тпру, – осадил я брата. – Я в городе. Еду на такси. Куда мне... дай адрес?

– Темка, я так рад, так рад! – не успокаивался младший.

– Адрес, Тим, адрес, – рыкнул я.

– На Пушкинскую езжай, дом 15. Я скоро буду, моя смена почти закончилась, – затараторил Тимур. – Заскочу в магазин.

– До скорого, братишка.

– Ага.

Так непривычно слышать родной голос. Я отвык. Понимаю, что все это время я скучал по нему. Мы ведь всегда вместе были, никогда не расставались, тем более так надолго. Проснулась ностальгия, всколыхнув воспоминания детства. Я прокашлялся и обратился к водителю:

– Нам на Пушкинскую 15.

Мужчина лишь кивнул и вывернул руль влево. Я даже в окно не смотрел, расслабился и прикрыл глаза. Внутренний взор предоставил темную маленькую фигурку. Это была девушка? Девчонки так не одеваются, если я правильно помню. Они всегда стараются выделиться, привлечь внимание, озорные и крикливые. А эта была похожа на мальчишку. Медведица? Их таких маленьких не бывает, они высокие и объемистые. Да, есть за что подержаться. В голове не укладывается увиденный образ. А может она больная? Тогда зачем ее преследовал шакал? Что она ему сделала? Представил образ парня. Скорее всего, из золотых, спорткар, кожаная куртка, весь из себя дорогой. Мордашка смазливая, блондинчик, идеальное лицо. Лет двадцать на вид, может чуть больше. И я когда-то был таким. Внутри что-то перевернулось, словно посмотрел на себя со стороны. Аж плохо стало.

От моих размышлений меня оторвал скрипучий звук сирен. Впереди, на перекрестке, была авария. Несколько машин полиции перекрыли дорогу. Но скорой помощи еще не

было. Видимо не торопятся на вызов. Мы подъехали ближе, и я рассмотрел на асфальте прикрытое непонятной тканью тело. Оно было маленькое, будто сбили ребенка. Не знаю, какому импульсу я поддался, для меня это вообще не свойственно, я вышел из машины и пошел к людям в форме. Вот именно люди.

– Простите, офицеры, а что тут произошло?

– Авария с летальным исходом, – ответил один, что-то записывая в свои бумажки.

– Труповозку ждем, а они где-то запропостились, – обреченно ответил второй.

– Ребенка что ли сбили? – уточнил я.

– Девчонку, – вздохнул первый. – Молодая совсем. А этот шары залил, не черта не видит, а еще и отпирается, дескать она сама...

– Ага, а свидетели говорят, что был зеленый. Да и она, куда-то торопилась. Неслась, как угорелая.

– Ну, думаю, ему светит прилично, и права отберут, – покачал головой офицер.

В голове билось одно единственное слово «девчонку». Да, ну, нет. Не могла она... Или могла? Что-то я себя совсем не узнаю. Какая-то авария меня сбила с пути. Не понимаю, что творю, о чем думаю, словно в меня проник «чужой» и руководит мной изнутри. Стою и таращусь на это нечто под тканью. Все так плохо? Насмерть?

Прикрыл глаза и сделал глубокий вдох. Полицейские лю-

ди, сто процентов. Один не так давно кофе пару стаканов на-вернул, другой курил. Они устали и от них разит отрешенно-стью. Так, что еще? Запах алкоголя. Сильный. Коньяк и водка? Ну, ты debil, это надо было так надраться! Соль... Слезы? О, у нас тук раскаявшаяся душа, грядет чистосердечное. Ну, и кровь. Ее медный запах с горчинкой я не спутаю ни с чем другим.

Открыл глаза. Нет, не учуял ее. Значит, она жива. И тут в лицо пахнуло ветром, как раз с той стороны, где лежало тело. Непроизвольно сделал вздох. Аромат медведя присутствует, но это взрослая особь мужского пола. Сосредоточился. Отключил голову. Выпустил все чувства. В нос прокрался легкий флер сладости. Ириска? Точно. Такая тягучая, коричневого цвета конфета. Я в детстве любил ириски. Тайком мог слопать килограмм. Мама очень ругала, что зубы испорчу. А нам, волкам, сладости очень нужны, мы без них не можем.

Слух уловил хрип и невнятный стук. Я наострил уши, прислушиваясь к телу, лежащему без движения на земле. И снова уловил едва заметную пульсацию. Сердце. Оно бьется. Оно борется за жизнь. Оно... Оно живое! Я подорвался с места.

– Эй, куда?! – завопили полицейские, но было уже поздно, я присел на корточки и отодвинул ткань с лица девушки.

Глаза закрыты, под щекой лужа крови. Вязаная шапка не уберегла ее голову от столкновения с твердой поверхностью асфальта. Осторожно протянул пальцы к горлу и положил их

на артерию. Прислушался. Долго ничего не происходило, а потом венка натянулась, дернулась и опала. Я не поверил. Это правда? Встал на колени и наклонился, утыкаясь в ее шею носом. Осторожно втянул ее запах. «Ириска», – усмехнулся я. Теперь я распознал его. Чистый, легкий и неповторимый аромат, он заманивал меня окунуться с головой. Никакой примеси затхлости или гнили я не почувствовал. Она борется. Она хочет жить. А эти два олуха царя Небесного труповозку ждут. Жесть.

– Скорую! Быстро! – скомандовал я. – Она еще жива. Вы только время теряете.

Я не понимаю, почему они вытаращились на меня, словно увидели посланника Дьявола. Но время не терпит, надо что-то делать. Достал телефон и нажал на вызов.

– Да Тем? Что-то случилось? – удивленный голос брата отрезвил немного.

– Тим, слушай, тут авария на ... – я покрутил головой, чтобы найти указатель.

– Центральной, – подсказали рядом.

– ...на Центральной. Все стоят и ничего не делают, даже скорую не вызвали...

– Так, Тем, не спеши. Ты обратился по адресу. Я теперь практикующий хирург. Опиши симптомы, и я вышлю машину, – уверенно проговорил брат.

Он хирург? Вот это новости. Так, что тут у нас на повестке дня, точнее вечера?

– Сбили молодую девушку, пульс кое-как прослеживается, но редкий, кровопотеря приличная и, возможно, сотрясение, – озвучил я увиденное.

– Человек или?..

Я не задумывался.

– Скорее всего, человек, но от нее пахнет медведем, – растерялся я.

– Значит человек, – отозвался Тимур, что-то прошуршало, и брат продолжил, – Машина выехала, через пару минут будет. Ну, раз так получается, тогда тебе придется приехать ко мне. Городская больница № 3. Жду.

Ожидание – смерть. Терпеть ненавижу ждать. Скорая приехала быстро, а мне показалось, что прошла вечность. Девушку осмотрели, аккуратно переложили с холодного асфальта на каталку и погрузили в газель. Двери закрылись перед моим носом, словно отрезая от ириски. Ну, да. Она пахнет ириской. Вкусной и сладкой, долгоиграющей конфетой. Опять мысли не на ту улочку свернули.

Пошел к такси, указал новый адрес, и мы поехали за скорой. Как и предполагалось, машина остановилась у шлагбаума. Он поднялся, и карета скрылась на территории больницы. Я расплатился с водителем и пошел искать хирургическое отделение.

(Тимур)

Я уже не надеялся увидеться с братом, с родной душой. Он дал четко понять, что не хочет становиться следующим Альфой, что ему все это по барабану: власть, деньги, интриги, даже лучшие суки нашей стаи. Ему плевать. Он ушел. Никому не сказал, ни с кем не попрощался. Просто взял и ушел. И я, ведомый его заразительной смелостью, поступил в медицинскую академию. Несколько лет пролетели в полной концентрации на учебе и относительном покое. Про меня даже отец забыл. Наверно, плюнул – дурной пример заразителен.

А сегодня, наверное, самый странный день за все эти семь лет. Он позвонил. Брат объявился! И по его голосу, я могу с уверенностью сказать, что он рад вернуться домой. Со скучился? Хоть это и не про него, но, да, он скучал. Всегда твердый в своих решениях, серьезный в своих делах, не подающий никаких признаков человеческих чувств, его можно было назвать не только Альфой, самым страшным и кровожадным, но и Дьяволом воплоти. Он никогда не снимал свою маску беспристрастного и принципиального самца. А теперь... Артем соскучился!

И мир сошел с ума...

Вот он, стоит в приемной, выражая тоже надменное отношение, что и всегда. Но я-то знаю, что у него на душе. Он никогда не мог скрыть свои мысли от меня. И сейчас он

полностью сконцентрировался на... человеке? Как-то странно видеть в глубине его карих глаз проявления чувств. Это что? Его зацепила эта девчонка? Не поверю! Сильный Альфа поддался моменту? Да быть такого не может!

– Как ты? – подошел к брату, заключая его в объятия, говоря этим, что рад снова его обрести.

– В норме, – отмахнулся Артем. – Отвык от города. Шум, суета, да и всякие шакалы бегают. Там было спокойнее...

Мы оба поняли, о чем он говорит, и я решил не уточнять. Это его жизнь, и я не вправе лезть со своим уставом в чужой монастырь.

– Ничего, втянешься. Как тебя вытащили оттуда? – задал резонный вопрос я.

– Мама, – вздохнул устало Темка. – Она написала, вкратце обрисовала ситуацию, ну, и отругала за свое поведение... Так, между строк...

О, мама это может. Даже если впрямую не сказала, то читай по губам. Я невольно усмехнулся. Несколько раз был в стае, и она меня брала в оборот. Это же мама.

– Она переживала за тебя, как и все мы... – тихо оправдал ее я. – Я очень рад, что ты вернулся.

– И я, – признался брат. – Ты мне должен рассказать, что у вас здесь происходит и из-за чего весь сыр-бор.

– Ага, но сначала, тебе придется отдохнуть здесь, – развел я руками, приглашая его в свой кабинет. – Операция может продлиться несколько часов, и домой мы сможем попасть

под утро.

Артем как-то сразу потерялся. Волки не любят стерильные стены, запахи лекарственных препаратов и соблюдение не своих правил. А в гостиницу я его не пущу. Но ему некуда деваться, он это понимает.

– Когда ты займешься девчонкой? – как-то резко спросил он.

Мне показалось, или он переживает за нее?

– Она в приемном покое, ее осмотрят и подготовят к операции. Сестрички должны сообщить ее семье, что с ней случилась авария, и она пострадала. Надеюсь, у нее были с собой документы, – откликнулся я. – И, да, я буду ее оперировать, но для начала взгляну на ее показатели жизнедеятельности.

Он странно на меня посмотрел, словно решая, сказать что-то важное, но пожал плечами и прошел к кожаному дивану в углу моих апартаментов. Артем грузно уместился на нем, заняв большую его часть, вздохнул обреченно и уже было открыл свой рот, чтобы начать новую беседу, как дверь без стука открылась, и взволнованная медсестра залетела в святая святых их лучшего хирурга.

– Тимур Семенович... девушка... она... – Мария Анатольевна пыхтела, как паровоз, и не могла собраться с мыслями. Ну, с ее грузной комплекцией только и бегать по этажам.

Я краем глаза увидел, как напрягся брат, просто привстав и подобравшись. Это уже мне не нравится.

– Да, объясните толком, Мария Анатольевна, что случилось! Или мне в шарады с вами поиграть, – рыкнул я. Какая-то злость взяла, ненавижу вытягивать все клещами.

– Девушка, что пострадала в аварии... Ее пульс прослушивается через большой промежуток времени. Она не приходила в сознание. Кровопотеря большая, она синее на глазах. Операционная № 5 готова, ваша команда там. Ждут вас, – выпалила на одном дыхании медсестра.

– Тимур и его команда спешат на помощь, – без злобы поддел меня брат, и я повернулся к нему.

Расслабленная поза, равнодушие на лице, даже скука, но глаза предательски выдают его переживания за этого человека. Он изменился, и в этом виновата служба. Мне остается представлять, какие ужасы он видел и творил.

– Я действительно рад, что ты вернулся, брат, – выдохнул я. – Располагайся, отдыхай. Как только закончу, поедем домой.

Он лишь неопределенно кивнул головой и откинулся на спинку диванного монстра. Сестричка смерила его странным взглядом, посмотрела на меня и понеслась на выход, а я отправился следом. Шел по коридору и думал, чем могла зацепить моего брата эта девчонка. Люди, как люди, хилые и слабые, визгливые и импульсивные. Да и внешне сильно отличаются от наших самок. Что в ней особенного?

Но я погорячился с выводами. В предоперационной, пока я готовился и дезинфицировался, мне вручили карту ее

осмотра. Я прочитал имя и затаил дыхание. Белова Наина Владимировна. Артем говорил, что от нее сильно пахло медведем. Ее и правда удочерила одна занимательная пара. Я слышал эту историю, но не воспринимал всерьез. И теперь эта человечка на моем операционном столе, а если я не смогу ей помочь, то Белов мне снимет голову с плеч. Говорят, что он очень сильно любит эту девочку и заботится о ней.

Так, что там у нас дальше? Двадцать лет. Молодой сильный организм в человеческом понимании. Это нам на руку. Кровопотеря составляет... Ого, надо спешить. Перелом правой верхней конечности. Следовательно, болевой шок. Это поправимо, если удастся ее привести в себя. Сотрясение? Ушиб правой стороны лица, рана на голове. Это уже усложняет дело, но больше переломов нет, а это уже хорошо.

Пока сестра колдовала над моим образом, я ознакомился с данными Наины. Имя-то какое красивое, словно сладость разливается на языке. Нет, я раньше ее никогда не видел, да и не интересно было, но то, что она запала в душу моему брату, как-то интригует что ли. Вот и последний штрих: перчатки натянулись на моих руках и шлепнули, обтягивая конечности. Теперь я готов встретиться с маленьким человеком.

Двери в операционную распахнулись передо мной, и я решительно шагнул в неизвестность. Я должен спасти еще одну жизнь из числа многих. «Это уже как девиз», – фыркнул я, подходя к столу. Моя команда постаралась, нет запекшейся крови, волосы на виске выбриты так, что ничего лишнего

не попадет в открытую рану. Подключены все датчики, аппаратура издает противный писк, но он стабильный. Правая рука свободна, но перелома я не вижу, хотя она опухла ниже локтя и посинела. Значит, закрытый. Плохо, придется резать тонкую кожу, выравнивать кости, закреплять, а это значит несколько швов. Не хотелось бы портить столь юное создание.

Неосознанно взглянул на лицо. Правая сторона стесана, одна сплошная царапина. Помощники промыли, и заражения не наблюдается, но все равно опухоль и кровь. Хорошо, что на мне плотная повязка, и запаха ее я не чувствую. Раньше приходилось сложнее, человеческая кровь на меня плохо влияет, мутит, и дышать невозможно. Я не вампир, и кровь вообще не должна меня волновать, но ее запах мне не нравится, и это мягко сказано.

– Анастезия? – спросил я.

– Все готово, тело расслаблено, боли нет, чувствительность отсутствует, – отрапортовал Герман.

– Пульс слабый, дыхание ровное, но тоже слабое, – отчиталась Ирина, следящая за аппаратами.

– Кровь?

– Переливание плазмы I+ продолжается, – ответила Ольга.

– Начнем с головы, рана не серьезная, – начал я. – Дезинфекция, тампон, зажим, иголка...

Потянулись минуты колдовства хирургии. Команда вы-

полняла все мои указания беспрекословно. Мы действовали слаженно и очень внимательно. Я старался не делать лишних движений и не навредить молодому организму. Смешно, но я не хотел добавлять ей еще боли. Странно, но это так.

Проблемы возникли, когда мы добрались до сломанной конечности. Сначала я прощупал опухоль, нашел острые края кости. Несколько долгих секунд я справлялся со своим страхом. Никогда такого не случилось, а сейчас словно кто-то приставил к голове пистолет и так гаденько шепчет на ухо: «Не сможешь... Не получится... Оставь». А потом раздражает своим злорадным смехом.

– Скальпель, – решительно произнес я и протянул руку в сторону медсестры.

Холодный металл легко лег в ладонь. Зажал его посильнее и направил в нужном направлении. Лезвие степенно скользнуло по коже, выпуская струйку крови. «Прости, Наина, но я должен это сделать», – не понял я, кого успокаиваю, себя или ее. Зверь прижал уши внутри меня, дрожа всем телом. Он боится? Некогда думать над его поведением. Потом... все потом.

Еще пару часов сращивали кость. Пришлось повозиться, чтобы получилось стык в стык. А потом еще металлические скобы установили, чтобы не сдвинулись, да и меньше боли будет. Закрепили это все, контролируя через монитор рентгена. Когда наложили гипс, я вздохнул с облегчением.

– Контроль? – обратился я к Ирине.

– Пульс стабильный, но низкий. Давление приходит в норму. Дыхание ровное, – отрапортовала она незамедлительно.

Дал еще несколько указаний и пошел к двери. У выхода обернулся, осмотрел сою команду. Несколько часов в напряженной атмосфере, но они хорошо держатся. Обычные люди, зверей здесь больше нет. Да, и я не потерплю конкуренцию. Операционная – это моя территория, здесь я главный.

– Все молодцы! – выдохнул я и снял свою повязку.

Зря я это сделал. Нет, поблагодарить всегда необходимо, мои коллеги должны знать, что я ими горжусь. И это правда. Но то, что я ощутил, когда снял свой «намордник»... Это было необычно... странно и страшно одновременно. Запах. Ее естественный запах. С примесью медвежьего, но такой тонкий и сладкий. И это отправило меня в нокаут. Мысли выветрились разом из моей всегда собранной головы, оставляя после себя глухую пустоту и растерянность. Словно в этой жизни ничего интересного нет.

Не помню, как дошел до кабинета, как переоделся, как написал отчет о проведенной операции. Не обратил внимания на присутствующего родственника, который пялился на меня с интересом. Даже не знаю, что отвечал на его вопросы. Все происходило словно в каком-то сюрреалистичном сне, а я наблюдал издалека.

Глава 3 (Наина)

Легкость наполнила мое тело. Я долго парила в невесомости, окутанная непроглядной тьмой. Я ее не боялась, просто было непривычно, словно тебе завязали глаза и поместили в аэротрубу. Иногда потоки воздуха колыхали волосы, гладили кожу, обдавали теплом. Я ощущала умиротворение и покой. А потом откуда-то взялась боль. Тонкой лентой опутывая меня с ног до головы она впивалась все жёстче в мою кожу. Она разливалась по венам, обжигая и причиняя такой дискомфорт, что хотелось кричать. Нет, вопить! И сильно. Я пыталась, честно. Но горло словно сводило судорогой, и я не слышала ни одного звука. Напряжение нарастало, а под веки начал проникать свет. Силы не хватало, чтобы открыть глаза, а двигаться так и вообще я не могла. В одночасье все прекращалось, на кокой-то промежуток времени, но потом опять повторялось с невероятной силой.

Я спала, но не видела сновидений. Это было хорошо, так как я отдохнула, но и непривычно. Я всегда что-то да видела во сне. Порой это были фантастические красоты неизведанного мне мира или чуда архитектурного выражения свободы. Часто я гуляла в лесу, где встречалась с интересными зверями и насекомыми. Иногда даже зарисовывала свои видения. Голова была пустая, и яркий свет нещадно напрягал закрытые веки. Я не хочу просыпаться. Ни за что! Мне так

хорошо. Пусть это чувство продлится вечность.

Мои пальцы аккуратно сжали, и я постаралась открыть глаза. С трудом, но это мне удалось. Чуть приоткрыла и тут же закрыла свои очи. Свет лился с правой стороны, и он был неприятно-ярким. Было тихо, только скрип и неприятное пиканье раздражали проснувшийся слух. Вторая попытка увенчалась большим успехом. Я смогла открыть полноценно свои зенки и осмотреться.

Большое окно справа, белые занавески, белые стены, несколько светильников на потолке. Они, кстати, очень высокие и тоже белые. Я полу-сидела или полу-лежала на кровати под белым одеялом. Рядом стояли аппараты, которые и издавали этот неприятный звук. Шевелиться совершенно не хотелось, но я должна встать. Мне куда-то очень нужно. Я это понимала внутренним чутьем, но определить суть не могла.

Напрягая все тело, чтобы сесть в кровати, до меня дошло, что я испытываю дискомфорт в область груди, головы, рук. Вообще, весь мой небольшой организм словно спал или был парализован. Я принялась себя рассматривать, и тут меня пронзило ужасом. Я связана. Вся правая рука в гипсе. Половина грудной клетки затянута бинтами. Голова непривычно пульсирует. И ни одна конечность меня не слушается. Резко сжала кулак левой рукой и обнаружила инородные предметы. Взгляд сам собой устремился к ним.

– Мама, – пересохшими губами выдохнула я, когда мои

глаза встретились с ее оливками.

– Ная, ты пришла в себя. Как же мы волновались... Теперь все будет хорошо, – она шептала, поглаживая мою свободную руку, а в ее глазах стояли слезы.

Я себя ненавидела за это. Я не хотела причинять ей боль, но это произошло. Она переживала, она места себе не находила, и я виновата в этом. Надо было сразу идти домой, а я задержалась. Вот только...

– Мамочка, не плачь, пожалуйста. Я не хотела... я не специально... – затараторила я охрипшим голосом. – Мама, а что случилось?

Она сразу как-то подобралась, посерьезнела, даже слезы прекратились. Смотрит на меня печальным взглядом. Кажется, она постарела на несколько лет даже. И что ее так напугало?

– Ная, ты не помнишь, что случилось в тот вечер? – осторожно спросила она.

– В тот вечер? – не поняла я ее вопроса. – А я давно здесь?

– Пару дней... Ты была без сознания, а потом организм восстанавливал силы, которые ты потратила, борясь за свою жизнь, – негромко сказала мама.

– Что? За свою жизнь? – только тут до меня дошел смысл ее слов. Я же в больнице. Стерильная палата, медицинское оборудование, даже запах присущий медикаментам. Но оставался вопрос: как я попала сюда?

– Ная, посмотри на меня, – позвала мама. Я повернула

к ней голову и посмотрела в родное лицо. – Ты торопилась домой, но по дороге тебя сбил большой внедорожник. Водитель был пьян. У тебя перелом руки, сотрясение мозга и много синяков.

Она осторожно прикоснулась к моей щеке, и я ощутила легкую боль. Поморщилась, и мама тут же убрала руку. Теперь понятно, почему я так непривычно себя чувствую. Представляю последствия встречи маленькой меня и огромной машины.

– Я... я не помню, – призналась я.

– А что последнее всплывает в памяти? – уточнила родительница.

– Библиотека, куча книг, ручка... Я уронила ручку, а какой-то мажор ее поднял...

– А как ты шла домой, кого-нибудь видела или здоровалась? – не унималась мама уточнять.

В голове начали возникать вспышки воспоминаний, но не четкие, а размытые, словно я проносила мимо них на огромной скорости. С каждой секундой таких гонок у меня все больше начинала болеть голова. Потянулась здоровой рукой ко лбу. От моих потуг выступил пот, а лицо горело.

– Я не помню, мама... Я не могу вспомнить, – обессиленно пролепетала я и откинулась на подушку, прикрывая глаза.

– Все хорошо, моя девочка. Все хорошо, Ная. Ты вспомнишь. Обязательно, – тихо щебетала мама, сжимая мою ладонь.

Что я упустила? Что не могу вспомнить? Почему это важно знать маме? Что такого интересного могло случиться со мной между библиотекой и аварией? Каждый вопрос отзывался тупой болью в моем мозгу. Не получается ухватиться за мысль, которая смогла бы навести меня на ответ. И в который раз я воспроизвожу случай в институте, но не вижу в нем ничего предосудительного или странного. Обычный парень. Обычный подкат. Обычный отказ. И все.

– Ну, и как самочувствие нашей пациентки? – в палате раздался приятный мужской голос.

– Она недавно пришла в себя, – ответила мама. В ее голосе было много всего от переживаний до страха. – Почему она не помнит дорогу домой?

– Такое случается, – выдохнули рядом, и сильные пальцы взяли мое запястье, считывая пульс. – У вашей дочери серьезные травмы. Возможна временная потеря памяти. В ее случае это нормально. Не переживайте, Валентина, с ней все будет в порядке. Я позабочусь об этом.

Последние слова были сказаны интересной интонацией, словно этот человек решил оберегать меня от моих же действий. Вот еще, я со всем могу справиться сама. Правда, лечить меня тоже надо. Вот только встану на ноги, и уж тогда... А что тогда будет? Я этого еще не знаю, но думаю, ничего плохого. Правда?

– Пульс в норме, давление хорошее, – как бы для себя рапортует голос. – Ну-ка, «открой сомкнуты негой взоры»,

Наина.

О, а как мое имя-то произнес. Ваше Величество, не иначе. Я тут же распахнула глазки и уставилась на фонарик, который сразу меня ослепил. Ярко. Поморщилась.

– Рефлексы тоже в норме, – отозвался, видимо врач. – Очень хорошо. Как себя чувствуешь, маленькая леди?

Что? Я немного зависла, когда от меня убрали светлячка. В поле зрения попал молодой мужчина. Он смотрел мне в глаза, ожидая ответа, а я пыталась понять, где сейчас нахожусь. Вообще, я не обращаю внимания на парней, но этого решила рассмотреть. Черные, как смоль, волосы небрежными прядками падали на лицо, придавая ему мальчишеского озорства. Карие глаза, оттенка горького шоколада, смотрели внимательно. Прямые дуги бровей придавали серьезный вид. Прямой нос, заостренные скулы, чуть полноватые губы и волевой подбородок, покрытый небольшой, но густой щетиной. Выглядел он обычно, но было что-то хищное в его глазах, выражении лица. Широкие плечи прикрывал распахнутый белый халат, из-под которого выглядывала серая рубашка и джинсы.

Видимо, я долго молчала, и позади моего доктора деликатно покашляли. Я инстинктивно перевела взгляд туда, где нетерпеливо переминался с ноги на ногу еще один человек. У меня закружилась голова. Я снова утонула в подушке и прикрыла глаза.

– Ная, тебе плохо? – отреагировала незамедлительно ма-

ма. А доктор взял меня за руку. Опять пульс считает. Дался он ему?

– У меня... голова кружится... и двоится в глазах, – тихо ответила я.

Все замолчали. Мне показалось, что я отключилась от реальности, но тихий смех папы вернул меня обратно. И чего такого смешного произошло? Я приоткрыла один глаз, моргнула и открыла второй. Ну, да, папа сидит с другой стороны от меня и ухмыляется. Я непонимающе уставилась на него.

– Все хорошо, Наина, – серьезно сказал папа и кивнул в сторону, – Они близнецы.

– Кто? – непонимающе перевела взгляд в указанном направлении.

– Меня зовут Тимур... Семенович, я твой врач, – немного запнулся человек в белом халате. Он перевел взгляд в сторону, где стоял точно такой же мужчина, только он был подстрижен намного короче и глаза у него были светло-карими, и уточнил, – А это мой брат, старший, Атем. Он нашел тебя после аварии и вызвал скорую.

– Спасибо, – выдавила я, рассматривая уже Артема.

Точная копия, но совсем другой человек. Если в Тимуре я ощущаю поддержку и участие, то от его брата разит силой и грубостью. Вон как сжаты губы, напряжен подбородок, а глаза... в общем, тяжелый взгляд у него. Я не привыкла к столь интенсивному вниманию к своей скромной персоне, поэтому выдала:

– А что он здесь делает? Разве посторонним вход свободен?

Врач откашлялся, но улыбку скрывать не стал. Я впиалась в него пытливым взглядом. Интересно, что он придумает, как оправдает свое отражение. По глазам Тимура я увидела издевку, адресованную брату. Это он его стебет?

– А он у нас, как рыцарь в сияющих доспехах, решил проверить все ли с юной леди в порядке...

– В полном, – не дала закончить фразу. – И впредь прошу посторонних в мою палату не пускать. А я здесь поселюсь основательно, я правильно понимаю?

Я вздернула правую бровь в вопросе и уставилась на врача. Тимур Семенович кивнул и начал засыпать меня вопросами о моем самочувствии: где болит, как ушиб головы, хочу ли пить и т.д. и т.п.

Краем глаза я наблюдала за мужчиной, что притаился у двери. Его пристальный взгляд перетекал с меня на брата и обратно. Вроде скучающий, спокойный, но что-то было не так. Его глаза то вспыхивали, то угасали, словно он пытался сдерживать себя и свою ауру. А его энергетика мне вообще не нравилась. Эта сила, эта мощь... Я не могла подобрать слов, чтобы конкретно описать свои ощущения. Она меня пугала, подавляла, а я изо всех сил ей сопротивлялась. Все прекратилось резко. Отец встал со своего места, подошел к Артему, что-то ему сказал, и они вдвоем удалились из палаты. Я лишь заметила, как он прямо посмотрел в мои глаза,

поджал губы, решая молчать под дулом пистолета, и отвернулся.

Когда обход закончился, я осталась с мамой. Мой лечащий врач ушел, получив подробное представление о моем состоянии. Дышать даже стало легче. И я сделала глубокий вдох, но не рассчитала свои силы и закашлялась. Мама тут же подала стакан воды и заглянула в глаза.

– Ная, с тобой, правда, все хорошо?

– Не переживай, мам, – сделав глоток живительной влаги, сказала я. – И не из таких передрыг я выпутывалась...

– Я не о больнице, – как-то нерешительно начала мама, и я посмотрела на нее удивленно.

– А о чем ты? – осторожно спросила я.

– Об этих ребятах, – покачала головой мама. – Ты ведь поняла, что они не совсем люди?

Я задумалась. «Не совсем»? А как? Полу-люди? Значит... Что-то щелкнуло в моем мозгу. Если они звери, тогда понятна эта страшная аура, исходящая от второго брата. Тогда почему я не ощущала волн такой же силы от первого? Что-то мне даже узнавать о них не хочется.

– Звери? – тихо прошептала я, боясь быть услышанной не теми.

– Волки, – подтвердила мои опасения мама. – Но тебе нечего бояться, Ная. Они не причинят тебе вреда, а Тимур Семенович уже несколько лет практикует в этой больнице.

Раньше я не задумывалась об этом, а вот сейчас стало оче-

видно, что в мире помимо папы есть и другие люди-звери. Я не встречалась с ними раньше, или не обращала внимания, не разглядывала под микроскопом, кто к какому виду относится. Было не до этого, учеба и родители занимали все мое время. Даже когда ездили в клан Харина к медведям папы, я общалась со многими, но не придавала значения, что все они медведи. А кроме них, оказывается, есть еще и волки...

– А как же жажда крови? Разве его не захлестывает охотничий инстинкт, когда он слышит этот аромат? И как долго он может продержаться? – не веря ее словам, я не сдержала язвительность.

– Зачем ты так, Ная, – мама положила свою теплую ладонь на мои озябшие пальцы. – Они хорошие, правда. Володя знает их стаю...

– Мама, я не говорю, что они плохие, – вздохнула я. Почему-то не хотелось перечить, но я должна сказать ей, что меня тревожит. – Мне не понравилась аура старшего. Она очень сильная, захлестывающая, душащая. Я не могла его терпеть только из-за нее. Я не говорю, что они какие-то страшные, но его энергетика...

В голове снова возник образ симпатичного мужчины, но тут же сменился дьявольской карикатурой. Лицо смазалось, оставив полыхающие желтые глаза, а вместо улыбки, которая могла сгладить его суровые черты, появился волчий оскал слюнявой пасти. Брр. Аж передернуло.

– Артем приемник их Альфы. Он скоро займет его место

и будет управлять их стаей. Он Альфа, поэтому и энергетика у него такая сильная, что коробит, – усмехнулась мама.

– А можно, чтобы он больше не появлялся здесь? Я его боюсь, – вымученно спросила я и состроила такие мученические глазки, что мама невольно рассмеялась.

– Можно, – кивнула она. – Папа уже, наверно провел увеселительную беседу с ним.

Мне показалось, или она и правда мне намекнула, что сейчас огромный бугай-медведь ведет светскую беседу со злым волком? Представив, как мишка стоит на задних лапах и отвешивает оплеухи серой морде, а тот покорно сидит, поджав хвост, и только колышется из стороны в сторону, даже смешно стало. Мы от души посмеялись, но когда я почувствовала боль во всем теле, обстановка сразу приобрела серьезный характер.

– Где болит? Сильно? Сейчас, все будет хорошо, – всполошилась мама. Ее полненькое тельце подпрыгнуло на стуле, и она понеслась к двери.

За окном сидела медсестра. Как только мама открыла дверь, та схватила шприц и пузырек с лекарством и направилась ко мне. Укол в бедро показался укусом самого большого шершня в мире. Иголочка была горячее огня, но когда ее убрали, я почувствовала облегчение. Меня словно придавила усталость, и глаза начали закрываться.

– Мам, а как долго я здесь пробуду? – зевая, спросила я. – Дома же лучше. Там и стены лечат.

– Наверно, неделю или дней десять. У тебя сотрясение, Ная, – погладила меня по голове нежная пухленькая ручка. – Понаблюдают немного, возьмут анализы и отпустят домой. Спи, моя хорошая, набирайся сил, выздоравливай.

На последних словах я уже погружалась в свое небытие. Все глубже ныряя в темноту и покой. Да, нужно поспать, чтобы быстрее выздороветь, чтобы быстрее уйти из этой больницы, чтобы оказаться дома, подальше от этих страшных волков.

Глава 4 (Артем)

– Ну, и что ты там устроил? – в голосе брата сквозило предупреждение.

Мы ехали домой после встречи с ириской, и брат решил меня отчитать, как маленького щенка. Благо в его машине мы были одни, и никто не будет мне припоминать этот случай. Только брат.

– Ничего, – пожал я плечами, показывая, что меня ничуть не трогает его попытка вставить мне мозги на место. – Я убедился, что с ней все не так уж плохо, как я мог представить.

А я представлял самое худшее. Я даже порывался к ней в палату, чтобы просто посидеть в уголке, но быть рядом, когда буду ей нужен. Смешно? Очень, обхохочешься. Маленькая человечка заставила меня задуматься о себе, о том, чего я хочу в этой жизни, что я ищу и никак не нахожу. Я погряз в войне, зациклился на отце, желая доказать, что чего-то стою сам без его денег, покровительства и поддержки. И одна ми-молетная встреча перевернула все вверх тормашками. Я не могу признаться в этом себе, я не хочу быть слабым, но я держусь из последних сил. И брат это понимает. Он всегда знал меня лучше меня самого.

– Мне можешь не врать, – вскинулся Тим. – Она еще толком в себя не пришла, а ты уже испытываешь ее на прочность! Это же человек! Да что с тобой происходит? Она не

может тебе подчиняться! Она не из наших сучек, на которых надави, и они лапки раскинут и покорно смотреть будут. Наина человек! Ты хоть понимаешь, что за такое тебя не только Владимир, но и наш старейшина по головке не погладят? И это мягко сказано.

Да все я прекрасно понимаю. Сам не знаю, что на меня нашло. Просто захотел испытать ее. Та ночь не дает мне покоя. Я до сих пор чую ее страх, но в тоже время и силу ее разума. Она не стала ждать развязки, она скрылась. Она убежала от этого шакала. Она сильная, и я должен узнать ее предел. Зачем? Просто должен. Мне это нужно больше всего на свете. И я добьюсь своего.

– Ты меня слышал? – Тим пощелкал пальцами у моего носа. – Надеюсь, Владимир вправил тебе мозги, и ты больше не будешь лезть со своими тараканами к его дочке? Он это не одобрит.

– Да, я тебя слышал, – кивнул я, до сих пор представляя маленького человека в своей власти.

Ириска ощутила мою силу, но не показала вида, что ей это не нравится или коробит. Она терпела, а я увеличивал напор. Да все в палате это ощутили, но ириске досталось больше. А девчонка оказалась крепче, чем я думал. Это заводит, и одновременно пугает. Я знаю, что мой зверь проникся к ней, но увлекаться человеком я ему не позволю. Я доведу ее до предела, а там... Да, я даже сам не знаю чего хочу. Растоптать? Это будет кошунством. Сломить ее волю? Мне это не нужно.

Подчинить себе? Возможно, но это уже что-то другое. Игра захлестывает моего зверя, а призом станет ее покорность. Вот только возникает вопрос: а надо ли мне ее раболепие?

Ладно, разберусь с этим позже. Ириске еще пару месяцев предстоит пройти реабилитацию, так что оставляем девочку в покое. Сейчас на повестке стоит два вопроса: стая и тот шакал. Наина под наблюдением медперсонала, и посторонних к ней не допустят, поэтому второй вопрос подождет.

– Засиделся я у тебя, Тим, – сказал я, привлекая внимание брата. – Сегодня еще отдохну, а завтра поеду в стаю. Дела долго ждать не будут.

– Так, значит, мой Альфа вернулся? – поддел меня младший.

– Да, надо наводить порядок, а то, как посмотрю, вы все тут распоясались, – серьезно ответил я.

На лице брата расцвела довольная улыбка. Такую я видел второй раз за это время. Тогда, когда он осматривал Наину, а она ему отвечала, у него было то же самое выражение. Зацепила? Не сомневаюсь, но пока это всего лишь догадки. Посмотрим, что будет дальше.

– А ты о своих колесах не подумываешь? – в тишине салона спросил Тимур.

Мы ехали уже полчаса в полном молчании, а город все не заканчивался. Этот муравейник мне никогда не нравился, точнее, нравился, когда я был зеленым и беззаботным, транжирил деньги налево и направо, имел, что хотел и ко-

го. Но это было давно, теперь я стал старше, даже мудрее, и мне не нужны ценности, которые ничего не стоят. В армии я научился смотреть на многие вещи по-другому, научился понимать и слушать, что для меня было сродни концу света. Но не прислушиваться к своим ребятам и не принимать их просьбы или предложения во внимание я не мог. От этого могли зависеть наши жизни. Каждый раз наши задания были как первое. Я был слепым щенком, когда простые люди, пацаны, моего возраста или чуть старше, принимали такие решения, что моя шерсть вставала дыбом. Да, военные действия, ответственные решения, но мне было это нужно. Я научился, я выжил, и не только благодаря своим инстинктам, но и человеческим отношениям.

– Да, нет, как-то не до того было, – растерялся я, слыша вопрос с водительского места.

Действительно, о машине я совсем не думал. Хотя, признаюсь, машина среднего класса, что везла меня сейчас в пригород, мне не очень-то и нравилась. Серый седан, обычный салон, все пропахло лекарствами и больницей. Тимка, наверно, ее использует, чтобы возить больных на процедуры. Фууу. На его месте, я бы присмотрел что-нибудь в духе волков-оборотней. Ну, например, большой, рычащий и проходимый внедорожник. Обязательно черного цвета, так по-мужски жестко.

– Тогда завтра займись этим вопросом, – наставительно порекомендовал младший. – Помочь тебе не смогу, у меня

работа. Ну, а тебе не помешает немного на людей посмотреть, мирную жизнь вдохнуть. И я не сомневаюсь, что с днягами у тебя все в полном ажуре.

По его хитрой морде я увидел предвкушение и азарт. Он всегда любил меня подразнить, вот и не упустил момент. Обстановку разрядило наше подтрунивание и до дома мы добрались в хорошем настроении.

На следующее утро телефон Тимура разорвался трелью очень рано, еще шести не было. Из односторонних фраз и серьезной моськи хирурга я понял, что произошло что-то серьезное. И не успев все хорошенько переварить, я услышал быстрый голос брата:

– Я в больницу. Срочная операция. Буду вечером. Позвони или смс-ку пришли, как дела, – и за его спиной захлопнулась дверь.

Не хило его так сдуло. Только что здесь был, как уже смылся. Вот это скорость. Я несколько секунд смотрел на закрытую дверь и соображал, что мне сказал брат. А что мне делать? Рань несусветная, барахолка еще не думала открываться, я покопался в интернете, но ничего желаемого не нашел. Валялся на диване, щелкал каналы на телевизоре, пил кофе. Я пару кругов пробежал в ближайшем лесочке. Ну, да, выгулял зверя. Потом потный и мокрый принял душ и снова занял диван.

Взял свой новый гаджет и открыл интернет. Что я хочу найти? Пальцы взметнулись, и в поисковой строке я уви-

дел имя «Белова Наина». На автомате нажал «поиск». Пара мгновений и на экране появились несколько вкладок. Правда, ни одной страницы в соцсетях я не увидел. Скрытная девочка. Я, как замороженный начал просматривать сайты и наткнулся на газетную статью: «Игра воображения или слов», а рядом фотография Наины. Девчонка-школьница с двумя косичками и в школьной форме прикрывает ладонями лицо, а за ее спиной в отдалении скалится тот самый шакал. Здесь он еще человек, без сомнения. Я быстро пробежал статью глазами и замер, переваривая полученную информацию. Ириску обвиняли в домогательствах, и кого? Сына мэра города? Да быть такого не может. А скорее наоборот. В это я могу поверить, но чтобы девчонка, тем более сирота, пошла на такой шаг... Это что же должно было ее заставить так себя вести, опозорить на весь город? Ладно, себя, а приемных родителей? Пролистав еще кучу информации, я больше ничего не нашел об этом инциденте. Странно как-то. Ни опровержения, ни подробностей, но факт остается фактом, что кто-то хотел ее позора, хотел сломить ее, и хорошо, что у него это не получилось. А я придумаю, что-нибудь посерьезней детских шалостей. Он теперь в моей весовой категории.

Уже в десять я был на автомобильном рынке, расхаживая между машин и прикидывая, что бы такого прикупить серьезного. Ароматы витали соответствующие: машинное масло, бензин, солярка, автохимия. Почему я не пошел в автосалон? Не доверяю я им, а тут с хозяином машины тет-а-тет

поговорить можно. И не надо повторять, что я чую ложь.

Я ходил и рассматривал машины и их хозяев и ловил себя на мысли, что я поражаюсь кардинальным переменам в обществе. Здесь было много людей, но и звери присутствовали. А когда я встречал пары человек-зверь, я был в шоке. Неужели старейшины разрешили связываться с людьми? Это нонсенс. За такую вольность приходилось биться насмерть, чтобы доказать право на пару-человека. И я не сомневаюсь, что Владимир Белов, медведь из клана Харина, доказал свое право на свою супругу. Вопрос состоит в том, как она приняла его? Я уверен, что это далось ей с трудом. «Хотя, мишки бывают и плюшевыми», – хмыкнул я, усмехаясь у себя в голове.

– О, какие люди в нашем убогом месте! – за моей спиной раздался знакомый голос, досада и презрение сквозило в нем так сильно, что хотелось поморщиться, но терять лицо Альфе нельзя. Поэтому делаем безразличную мину, напускаем скучающий вид и добавляем в голос издевку.

– Ты хочешь поговорить об этом? – я развернулся к старому «приятелю». – Могу выслушать, но отпускать твои грехи не намерен.

– А ты не изменился, – фыркнул парень. – Все такой же высокомерный сын своего отца. Я думал, что ты наберешься уму-разуму, но нет. Заносчивый засранец, прожигатель жизни, папочкин оболтус.

– Зато ты у нас раскрыл весь свой потенциал в красноре-

чии, да, Кирюха?

Один из шестерок моего отца. Кирилл всегда обо всем ему докладывает. Он мелкая шавка, но информация у него всегда отличалась своевременностью и качеством. Отец это ценит, поэтому не обращает внимания на его гавканье. Терпеть не могу таких подхалимов, как этот, но я не Альфа, точнее пока не Альфа. Вот когда стану главой стаи, тогда и переберу все гнилые кости, может, даже закопаю парочку.

– И надолго в наши края занесло? – прищурился пес.

– Так я и сказал, чтобы ты тут же папочке все выдал, – оскалился я. – Пока кое-какие планы, а там видно будет.

– Как у тебя все завуалировано, – фыркнул Кирилл. – Ладно, а ты в курсе, кто претендует на место твоего отца?

– Мне как-то не до этого было. Просвети, – с вызовом рыкнул я.

– Сынок нашего мэра, Покровский Борис Константинович. Надеюсь, слышал о таком?

– Так мэр же человек, – фыркнул я, но догадка уже взяла в оборот мою мозговую деятельность.

– Ага, – ослабилась собеседник. – А сыночек-то инициировался. Вот только я подробностей не знаю, что там и как, но факт на лицо. Он теперь тоже волк и собирает свою стаю.

– И ты решил переметнуться? – с вызовом бросил я.

– Признаюсь, я подумывал об этом, – вызывающе ответил Кирилл, на его лице проступил шрам, который оставил ему мой отец за какую-то провинность. – Но у него есть один

изъян...

Пес замолчал и посмотрел в серое небо, словно там искал подсказку или смысл жизни.

– Не тяни кота за яйца, – прорычал я, не желая рассматривать этого комика.

– Он молод и горяч, но у него нет той вековой выдержки, как у взрослого оборотня. Он заносчив, самоуверен и дик, – бросил мне Кирилл. – А вот, если к власти придет недо-оборотень в твоём лице, я буду первым, кто покинет эту стаю.

Он сказал это, словно готовился долгие годы к моему возвращению. Что ж это его дело. Я не потеряю ничего сверхъестественного, если он решит убраться восвояси.

– Я тоже по тебе скучал, Кирюх, – съязвил я и обошел оборотня, хлопнув его по плечу. Я хочу продолжить выбирать себе скакуна.

За спиной что-то нечленораздельно выговаривали, рычали, но шаги стихли через пару мгновений, как и вонь папашиной шестерки. Я уже представляю, как этот скользкий тип бежит к отцу, отчитывается, что наследник вернулся, такой же избалованный, какой и был. Думаю, еще наплетет с три короба и не поморщится. В этом весь он.

Я бродил по этой огромной площади уже несколько часов. Пейзаж не менялся, запахи тоже. Ничего нового, интересного или что-нибудь, за что мог зацепиться глаз. Я остановился в центре и набрал брату смс-ку: «Все мимо. Буду ходить пешком или бегать на своих четверых». В конце добавил смайл

со страшной рожей. Отправил. На ответ не надеялся. И тут до моего слуха донеслась музыка. Я пошел на звук. Мелодия была незатейливая, приятная. Идти пришлось порядком, но оно того стоило.

В самом дальнем углу, на задворках огромной парковки стоял джип. Черный, покрыт слоем древней пыли, вроде какие-то наклейки есть. Но удивило даже не это. Девчонка, на вид лет двадцати, рылась активно в бардачке и ничего не замечала. Я увидел картон на переднем окне «Продам» и подошел.

– Это ваш монстр? – спросил я спину в кожаной куртке.

– Нет, но может стать вашим, – девушка обернулась и тут же застыла, уловив мою энергетику. Ее тон моментально изменился с игривого на серьезный, а взгляд метнулся за мою спину. – Хотите купить? Тогда вам нужен вон тот мужичок.

Она ткнула на столпотворение недалеко от места дислокации машинного монстра. Ее взгляд потеплел, словно она смотрела на своего мужчину. Стало немного не по себе, на меня никогда так не смотрели девушки. А эта молодая и веселая нашла что-то родное во взрослом мужике? В толпе я разглядел невысокого дядечку с седеющей бородкой. Крепкий, в меру упитанный, чем-то напоминающий небольшой шкаф или тумбу. Человек пять мужиков стояли кружком и о чем-то весело переговаривались. Слышались смешки, порой матерные словечки, а иногда и гогот. Я подошел.

– ... тут недалеко, я покажу, – смеялся один из них.

– Врешь и не краснеешь, – осадил его другой и добавил крепкое словцо.

– Да я правду говорю, – упирался молодой пацан. – Пошли, сам все увидишь.

– Ты ври, да не зарывайся, – поддел юнца тот самый «мужичок». – Знаем мы твои «правды», а на деле сдулся и Юлька твоя тебя же и сдаст.

– Да, ну вас, – махнул рукой малец и обиженно отошел в сторонку.

Веселье продолжилось уже без него. Мужики, как и прежде, нашли тему и начали язвить и ржать. Я не стал вдаваться в подробности, мне сейчас было важно пообщаться с одним человеком, и я вклинился в разговор:

– Прошу прощения, мне нужен хозяин вон того монстра, – я указал большим пальцем себе за спину.

– Ну, я, – ответил мужик с бородкой. – Заинтересовал?

– Хочу тест-драйв, а по цене договоримся.

– Ишь какой приткий, – усмехнулся владелец авто. – Ты уже о нем все знаешь?

– Так пока катаемся и побеседуем, – с вызовом ответил я. – На слух не жалуюсь, чутье отменное. Глядишь, и все в шоколаде останемся.

– Так ты из этих, – кивнул понимающе седобородый. – Полу-зверь. Поехали. Все, мужики я ушел.

– С тебя пиво, – хлопнул его один из приятелей. – Сделка выгорит, это точно.

– Посмотрим, – усмехнулся автовладелец и направился к машине.

Девушка все-то сидела на водительском месте и подпевала магнитоле. Увидев нас, она спрыгнула в объятия мужчины, легко чмокнула его в губы и расплылась в улыбке.

– Солнышко, ты поедешь с нами или заберешь меня потом? – тихо спросил мужчина. Его голос пропитался трепетом и нежностью. Точно, они пара со всеми этими заморочками про чувства. Неловко.

– Могу забрать, вам лишние уши не нужны, а я уже устала слушать про объемы и мощности. Заскочу к Светику, – улыбнулась она. – Позвони.

Она поиграла красным гаджетом и пошла в сторону своей машины. Мужчина достал ключи и бросил их мне. Поймал одной рукой.

– Поехали, – кивнул он на открытую дверь. – Или мне вести?

– Шутишь, – рыкнул я. – Давно хочу прокатиться на таком монстре. Кстати, почему такой пыльный?

– Танки грязи не боятся, а этот недавно участвовал в одном занимательном заезде по бездорожью. Не успел привести в нормальный вид, – мужчина сел рядом.

– Тогда почему продаешь?

– Это машина приятеля, а он погиб в той гонке. Его выбросило через лобовое. Оно поменяно. А машину просто не мыл. Руки не доходили, – вздохнул мужчина.

Мотор зарычал. Я прислушался. Посторонних звуков не наблюдается. Сердце машины бьется ровно и размеренно, каждая деталь выполняет свою функцию правильно. Воображение нарисовало, как двигаются поршни, как впрыскивается и сгорает топливо. Сцепление, передача, чуть газа. Монстр плавно выдвигается из своего места, легко лавирует между аллеями других машин. Но стоило ему почувствовать под своими колесами ровный широкий асфальт автострады, как зверь вырвался на волю. Стрелка спидометра утонула в красном цвете, а в открытые окна прорвался прохладный весенний ветер.

Глава 5

(Наина)

Дни в больнице текли размеренно, если не сказать – тащились кое-как. Через пять дней меня перевели из реанимации в обычную палату. Мама хотела, чтобы комната была отдельная, но я настояла на общей палате. Мне выделили место у окна в комнате на пять человек. Большое помещение было залито солнцем на протяжении всего дня. Соседки оказались разговорчивыми и интересными, у каждой своя болячка и не только физическая.

Со сломанной рукой, закутанной в неподвижную повязку, было сложно. Я практически не могла ничего сделать левой конечностью. Не привыкла. Я правша, а левая так, для поддержки всегда была. Теперь пришлось напрягать ее, вот только не получалось совсем. Всей палатой учили меня пользоваться невостребованной рукой. Когда завтракали, было легко, ложку я держала вроде бы неплохо. А вот с телефоном вышло немного смешно. Корявые пальцы, не приспособленные набирать ни текст, ни телефонные номера, тыкали куда попало. В конечном итоге я кое-как смогла открыть в приложении своего нового гаджета электронную почту и написать своей старосте.

Мама принесла мне новый смартфон, а старый пришлось выбросить. Он не выдержал встречи с твердой поверхностью асфальта, хоть и был в рюкзаке. Теперь и сумку придется покупать другую. Опять расходы, ненужные траты. Я обреченно вздохнула. Не хочу лишних затрат со стороны родителей, но их пока не избежать. Я пока вишу на их шеях.

– Ная, я занесла в контакты наши с папой телефоны. Тариф подходящий и для интернета, если тебе нужно связаться со старостой, – улыбалась мама.

На ее круглом лице улыбка была подобна солнышку, освещающая все вокруг. Она всегда старалась предугадать мои потребности и воплощала в жизнь все, что считала нужным. Я так рада, что они удочерили меня тогда.

– Спасибо, мам, – я улыбалась в ответ. – Я сегодня же свяжусь с Аленкой, надо взять темы пропущенных занятий. Они должны были распределить темы для курсовых по дизайну. Ой, а как же я рисовать-то буду?

Моя улыбка померкла. Эта курсовая очень важна. Летом практика, и я должна буду предоставить проект дизайна определенной комнаты, будь это детская, ванная или гостиная. А потом, когда мой проект воплотится, сделать видео или фотоотчет. Но, если моя правая рука не восстановится полностью, я не смогу создать этот проект. И дело не в дизайнерских программах. Нас учат применять художественный подход – рисовать на ватманах. Это интересней и проще, по крайней мере, для меня. Я очень люблю рисовать.

– Ничего страшного, Ная, – мама положила свою мягкую ладонь на мою левую руку и сжала ее. – К лету твоя рука восстановится, а отчет вам предоставлять в сентябре. У тебя все получится. Не переживай.

– Но гипс будет мешать... – возразила я.

– Его снимут в начале мая, – обнадежила мама. – Только рентген сделают и снимут. А руку будешь разрабатывать не спеша, и проект закончишь в срок. Ты же у меня умница. Я в тебя верю. И папа поможет.

Она наклонилась и поцеловала меня в висок. Мы сидели в палате и тихонько разговаривали. Некоторые соседки дремали, а кто и вышел погулять. Мама приходила каждый день и приносила что-нибудь вкусненькое, а потом мы болтали несколько часов. Ее не выгоняли из палаты, пока она сама не спохватится, что уже поздно или нужно что-то сделать.

– А эти фрукты откуда? – удивленно спросила мама, смотря на мою прикроватную тумбочку. – Я не приносила тебе абрикосы и орехи.

– Не знаю, я проснулась утром, а они уже здесь, – пожала плечами. – И никто ничего не видел и не знает.

– Может у тебя поклонник завелся? – хихикнула мама.

– Я бы знала, – отмахнулась я. – Скорее всего, кто-нибудь перепутал. Думаю, надо унести их медсестре, пусть раздаст детям.

– Хорошо, а что говорит Тимур Семенович? – как бы невзначай поинтересовалась мама. – Он же тебя наблюдает?

– Да нет, меня наблюдает Ольга Солгановна. Она терапевт. Придет, послушает, пальчиком потыкает, фонариком в глаза посветит, что-нибудь спросит и уходит.

– И это весь осмотр?

– Ну, да. У нее и без меня еще три палаты клиентов, – усмехнулась я. – Да и не люблю я пристальное наблюдение, ты же знаешь.

– Ладно, я поищу Тимура Семеновича, может он мне расскажет, как так получилось, что мою девочку наблюдает этот терапевт, – серьезно сказала мама.

Мы еще немного поболтали, и мама засобиравшись домой. Как обычно она чмокнула меня в лоб и пожелала скорейшего выздоровления, сказала, что завтра придет попозже и просила не скучать. А скучать я точно не буду, у меня несколько важных переговоров на повестке дня.

Закончив с Аленкой и получив тему по обустройству гостиной примерно в тридцать квадратов, я решила прогуляться до поста медсестры и прихватила фрукты и орехи. Сейчас я могу бегать и прыгать, как сайгак по горам, а вот раньше мне не разрешали, да и тело меня совсем не слушалось. Первые дни мне часто кололи обезболивающие препараты, а когда разрешили встать и вытащили мочевыводящий катетер, я чуть не взвыла от увиденных синяков и ссадин. Это нехило так меня приложили. Организм в целом был в плачевном состоянии, а лицо так и подавно. Вся правая сторона была багровой от царапин, покрытых корочкой. Спасибо хоть од-

ним переломом отделалась и небольшим сотрясением.

Я вышла из палаты, держа в левой руке пакет с продуктами. Неспешным шагом направилась к столу медсестер в дальнем углу длинного коридора. Проходя мимо большого холла, остановилась. Мое внимание привлек репортаж местных новостей, что мэр нашего города собирается уходить с поста. А вот когда озвучили имена возможных кандидатов на освобождающееся место, ноги мои не выдержали и подкосились. Я осела на пол, где и стояла. Нет, не упала, не завалилась в беспамятстве, просто села на колени, а подняться самостоятельно уже не смогла.

Невидящим взглядом смотрела в экран телевизора и уже ничего не слышала. Перед глазами мелькали какие-то воспоминания, но я не хотела за них цепляться. Почему-то я знала, что если вспомню, мне будет очень больно. Я не хотела это вспоминать, не хотела боли, не хотела ничего.

Меня толкали, меня поднимали, что-то спрашивали. Все звуки слились в один гул, не разобрать толком, где чей. В глаза ударил свет фонарика, но мне было все равно. Я не могла уложить в своей голове, что мэр может передать свое кресло своему же сыну. Сын. Борис Покровский. Он еще молод, и не удивлюсь, что его образование ему купил его папочка. Оболтус, выпендрожник, изворотливый и мерзкий тип. И с ним у меня связаны плохие воспоминания, которые ворошить не хочется.

Я с трудом моргнула. Глаза закрылись, и, словно жалюзи

со скрипом, поднялись веки. Взгляд после яркого света долго фокусировался, но я смогла разглядеть перед собой лицо. Приятное, немного заостренные черты. Черные волосы как всегда в художественном беспорядке. Темные глаза смотрели пристально и с беспокойством. Очень напряжен и взвинчен.

– Наина, Наина, ты меня слышишь? – тихий голос пробрался в уши, когда я осмысленно на него посмотрела. – Что случилось? Ты что-то вспомнила?

Я огляделась. Не знакомая мне палата. Одна кровать, большое окно, рядом кресло. А этот сидит на постели и держит меня за плечи. Осторожно, даже нежно. И никого рядом нет. Только я и он.

– Н-нет, – собралась я. Голос дрожал, а язык не слушался.

Взгляд Тимура стал испытующим. Мне ни разу не поверили. Чует ложь? Ах, да, я и забыла, что он хищник. Значит, будет пытаться?

– Что ты вспомнила? – тихий вкрадчивый голос.

– Н-ни-чего, – снова попыталась я. Эти воспоминания так глубоко были спрятаны. Разговаривать на эти темы с посторонним человеком, точнее волком, я не могу и не хочу. Ни за что!

– Не расскажешь, – констатировал врач, а его пальцы аккуратно поглаживали мои плечи. Это успокаивало, но и пугало одновременно. – А куда ты шла, когда это произошло?

Куда? Я... Мне нужно было что-то важное сделать...

– К медсестре.

– Зачем?

– Отдать фрукты детям. Я все не съем, и тем более я не знаю, кто их принес, – пропищала я, поглощенная его темными омутами.

– А орехи?

– Тоже, – выдохнула я. Чувствую силы покидают меня, или мне опять успокоительное поставили.

– Отдыхай, Ная.

Меня положили на подушку и прикрыли пледом. Глаза начали закрываться сами. Уже проваливаясь в сон, ощутила, как моей головы коснулись носом и втянули воздух. Меня нюхают? Да, ладно, главное не больно, остальное стерплю.

– Когда-нибудь ты расскажешь мне эту историю, – с надеждой произнес знакомый голос с легким рычанием.

(Тимур)

Наконец-то жизнь возвращается в обычное русло. Ну, с некоторыми усовершенствованиями. Старший брат вернулся, повзрослел, образумился. Родители успокоились, что их сын стал самостоятельным, серьезным и матерым волком. В больнице у меня все тоже хорошо. Операции, обходы, все как всегда.

Девочка Беловых идет на поправку. Сильный молодой организм борется за свою хозяйку. Синяки и ушибы начали тускнеть, кожа приобретает легкий румянец. Продержал ее в реанимации пять дней после пробуждения, но потом все равно пришлось переводить в терапию. Хотел настоять на отдельной палате, но никакие уговоры не помогли. Упертая и упрямая пациентка выдалась. Как с ней родители справляются, или это она из-за меня? А, может, из-за брата? Кто ж разберет эти милые женские головы.

Пока она в реанимации лежала, я частенько наведывался к ней по ночам, когда медсестра за стеклом спала. Так, чтобы меня никто не видел. Не хотел привлекать внимания ни к себе, ни к девочке. Прoberусь к ней тихо-тихо, сяду на краешек кровати, а она, словно чувствует мое присутствие, голову ко мне повернет и дальше спит. Дескать, знаю я, что ты здесь.

Первые мои вылазки в ее палату я считал разведкой.

Очень хотел узнать, что она собой представляет, и чем зацепила брата. А потом сам зацепился. Признаюсь, ее запах без примеси лекарств и всей дезинфекции просто сбивает с толку. Ну, не смог я удержаться, чтобы не понюхать ее. Сладкий-сладкий с легкой горчинкой аромат, как в детстве конфеты «Ирис кис-кис». А волки любят сладенькое. От первого вдоха голова закружилась, а волк заскребся внутри, еле удержался от обращения. В волчьем облике все намного острее ощущаешь, вот зверь и рвался наружу. А потом, как наркоман ходил в ее палату за новой дозой этих ощущений.

С Артемом на эту тему не говорили, но каждый раз я чувствовал его желание спросить о ней. Несколько раз пробовал открыть рот, но он сам меня затыкал каким-нибудь вопросом или просьбой. О Наине ни слова. Даже как-то обидно. Я хотел его позлить хоть чуточку, ведь знаю, что она ему понравилась, так в чем проблема?

Примерно в послеобеденное время, когда еще в больнице тихий час, мой телефон раздался трелью входящего вызова. Я сидел в своем кабинете и изучал карточки пациентов. Одних надо готовить на плановые операции, другие еще потерпят, а третьи, как и Наина, уже выздоравливают. Устал, потянулся и взял орущую на все помещение трубку.

– Да.

– Тим, здорова!

– Привет Тем!

– У меня отличные новости! Сможешь сегодня вечером

приехать в стаю? – возбужденно сказал брат.

– К чему такая срочность?

– Есть тут одно занимательное дельце... – заинтересовал меня Артем. Вижу, как он руки потирает и такой довольный.

– Пока не могу точно сказать. У меня скоро обход, – вздохнул я. – Да, и операции никто не отменял.

– Решай все сегодня, вечером тебя жду. Ты будешь в шоке, что я нашел! Это перевернет все! – настаивал брат.

– Ладно, я посмотрю, что можно сделать.

Я убрал телефон в карман, собрал карты пациентов и пошел в терапию. У меня дел выше крыши, а тут Темыча приспичило увидеться. Первым делом отдал карты медсестре и объяснил, когда и что нужно сделать. Потом пошел уточнить график операций на эту неделю. Я остановился в холле, по телевизору шел репортаж о жизни нашего города. Как раз выступал мер. Он решил не оставаться еще на один срок, а предложил депутатам несколько кандидатур на свой пост.

Краем глаза заметил знакомую фигурку, которая остановилась с другой стороны просторного помещения. Я повернулся к ней, чтобы сказать «Привет», но взглянув в ее белое, как полотно лицо, понял, что она сейчас грохнетя без чувств. На лице застыло выражение ужаса, глаза остекленели. На грани реальности почувствовал ее страх и кинулся к ней, а Наина оседала на пол. Успел подхватить ее и вместе с ней сел на ковер.

– Наина, – позвал ее, окутывая своими руками. – Наина!

Девушка не реагировала. Вообще. Стал стекаться медперсонал. С разных сторон раздались охи-вздохи. Стоят и глазуют, и ничего не предпринимают. А я ощущаю мелкую дрожь хрупкого тельца, и сам с собой борюсь, чтобы не сорваться. Держу ее, а в глубине души понимаю, что не отпущу никогда, ни за что.

– Светлана Сергеевна, готовьте отдельную палату, – дал распоряжение я близь стоящей медсестре. – Вера Федоровна, пару кубиков успокоительного. Быстро!

Уже через пару минут Наине был сделан укол, а Светлана Сергеевна приготовила отдельные апартаменты. Я поднялся с пола, продолжая удерживать свою ношу на руках, отметил, что пакетик, который она несла, упал, и все содержимое рассыпалось по полу. Эти фрукты я сам оставил на ее прикроватной тумбе, желая поддержать ее и сказать, что здесь о ней позаботятся.

– Все, спектакль окончен. Человеку плохо стало, но уже все под контролем. Можете расходиться, – строго сказал я окружающим и направился за медсестрой. – Светлана Сергеевна, вещи Беловой из пятнадцатой палаты перенесите, пожалуйста, на новое место пребывания.

– Конечно, Тимур Семенович, – откликнулась женщина лет сорока семи. – А что с ней произошло?

– Скорее всего, воскрешение памяти. Такое бывает, когда человек резко и неожиданно что-нибудь вспоминает, – отозвался я на интерес своего работника, осторожно прижимая

Наину к себе.

Медсестра распахнула передо мной дверь. Я внес несопротивляющееся тело своей подопечной и уложил на кровать. Наина продолжала смотреть в пустоту стеклянным взглядом зеленых глаз. Провел рукой по ее голове, пропуская выбившуюся прядь каштановых волос сквозь пальцы. Ни какой реакции.

– Наина, – снова позвал ее, немного встряхнул. Ничего.

Я взял фонарик, включил и направил поток яркого света ей в один глаз потом в другой. Зрачки сузились, приспособиваясь к лучу. Я вздохнул, она еще здесь. Потом голова резко дернулась, и осмысленный взгляд уставился на фонарик. Выключил его и убрал, он свою работу сделал.

Немного разговорил девочку, узнал, что она направлялась к медсестре в детское отделение, понесла мои фрукты и орехи. Самой много, видимо решила поделиться. «Широкой души человек», – усмехнулся я про себя. Но рассказывать, что она вспомнила, не захотела. Упрямица. А я же вижу, что ей плохо, вон как в ступор впала. Что такого страшного она вспомнила? И как это связано с нашим мэром? Надо будет у Валентины Беловой узнать, уж у них между собой не должно быть тайн.

Лекарство начало действовать. Наина откинулась на подушку и закрыла глаза. Размеренное дыхание, безмятежное выражение лица. Нет больше того ужаса. Я уткнулся носом в ее макушку, снова втянул приятный запах ирисок. Нет, я

сегодня никуда от нее не уйду. Буду рядом. Не хочу, чтобы это снова повторилось. А вдруг ей приснится кошмар? Или она вспомнит что-то плохое? Да я готов порвать ее обидчиков! Что? Конечно! И волк со мной полностью согласен. Такое маленькое создание не должно оставаться без защиты. И мы оба будем здесь.

Через несколько минут все же оторвался от нее. Ушел к себе в кабинет и глубоко задумался. Что это сегодня было? Какого черта я так отреагировал на ее состояние? Почему она так странно на меня действует? А зверь? Рядом с ней становится ручным песиком. Хочет вилять хвостом и обливать ее руки. Волк опять заскребся внутри, просясь наружу. «Брысь!» – рыкнул на него. Ладно, хоть слушается еще. Успокоился и притих.

Я взял трубку и набрал номер брата. Что я ему хотел сказать? Оправдываться? Поделиться догадками? А толку? Он же меня сам и засмеет. К человеку таких ощущений никто никогда не испытывал. А я? Я просто устал, работаю без выходных. Отпуск уже несколько лет не брал. А к родителям я езжу, когда что-то нужно или на День рождения. Девушка? Какая девушка с моей работой? У меня что ни день, так несколько операций, а если все тихо, то обязательно будет ЧП, и без меня никак. Надо брать выходные, уехать в глухую чащу, выпустить зверя и отдохнуть. И еще прихватить пару сучек из стаи. Они всегда за здоровый образ жизни и хороший секс.

– Да, Тим, – раздалось в ухе со скрежетом бензопилы.

И что я должен сказать?

– Тем, я... это... – проямлил я и замолчал. Как сформулировать свои мысли?

– Тимка, не тяни кота, – начал злиться брат. – Говори, что еще у тебя произошло? Опять операция внеплановая? Или какое другое ЧП?

Он уже начал издеваться, еще немного, и в ход пойдет тяжелая артиллерия. «Как в детстве», – фыркнул я.

– Я не приеду, – серьезно произнес я.

– И что у тебя стряслось? – в голосе брата все так же была издевка. Вижу его нахальную улыбочку.

Плевать.

– У Наины был приступ воспоминаний, – выплюнул я в трубку. Повисла тишина. Я его задел... за живое?

– Она вспомнила? Что? – недоверчиво спросил Темыч.

– Я сам не знаю. Она отказывается говорить об этом, – я потер лоб и переносицу. – Но факт остается в том, что это что-то очень плохое. Ты бы видел ее лицо...

– А что с ним не так, – фыркнул брат. – Миленькое такое лицо.

– Смеешься, – отрезал я. – Она была в ужасе, побелела, как мел, а глаза, словно ничего вообще не видели. Я ее в чувства приводил около получаса. Ты издеваешься?!

Все, я выдохся. Бросил телефон на стол, что тот разлетелся на запчасти. Достал своими поддразниваниями и издев-

ками. Альфа? Недоумок. Он до сих пор не научился прислушиваться к другим. Ему все хиханьки да хаханьки. Альфа! Да такого Альфу вообще нельзя подпускать к стае. Он ее не заслуживает. Я думал, что он повзрослел, остепенился, пыл сбавил, обтесался. Ха-ха три раза. Он не изменился, если не сказать стал еще хуже. И этого пацана пророчили на место Альфы? Бред! Я сейчас был готов оспаривать это предложение. Вырвать из его глотки. Разорвать на куски, чтобы собрать не смогли. Этого заносчивого и самовлюбленного пса.

(Артем)

Что это сейчас было? Я спрашиваю, какого черта он так со мной разговаривает? Всегда ни рыба, ни мясо, так, младший. Его никогда не было видно и слышно. Послушный идеальный мамин сын. Правильный, скромный, тихий. И что это, я, мать вашу, спрашиваю было?! Сижу и перевариваю его гневную тираду. Что на него нашло? Какого лешего он сорвался? Да они тут все с ума посходили?

Наверно, я заметил это, когда приехал в стаю. Волки ослабились, или хватка Альфы стала не та, что раньше. Помню, в детстве за любую провинность или нежелание исполнять приказ главного волка, упрямую скотину учили уму разуму розгами и плетью. Некоторых, особо провинившихся, запирали в подвале или приковывали цепями. Их не кормили, к ним никого не пускали. Так могли продержат от месяца до полугода, пока сам не взвоешь и вину не осознаешь. А с особым контингентом Альфа раньше не чирикался, просто оставлял глубокие шрамы на морде, как напоминание, и изгонял. Редко, но были и смертельные исходы. Например, за предательство.

Нет, я и раньше не хотел быть похожим на отца. Мне не свойственна тирания и чрезмерная жестокость, но я всегда считал, что стаю нужно держать в ежовых рукавицах. Дай слабину, и тебя загрызут первым. А сейчас все совсем по-

другому. Старейшина объяснил это тем, что волки открылись людям, и нам нужно сохранять подобие мира между своими сообществами. Отсюда и лояльность по отношению к парам оборотень-человек. Кстати, в моей стае образовалось несколько таких пар. Это, конечно не мое дело, но никого винить и наказывать я не имею права. А жаль. Я буду придерживаться чистокровных союзов. Не хочу, чтобы нашу кровь разбавили таким слабым звеном. Мы сильнее в волчьем облике, а из таких пар не известно, что может получиться, да и получится ли. Это еще вопрос.

Все это время, что я пробыл в стае, я приходил в себя. Уходил на рассвете в лес, в самую чащу, оборачивался и носился, пока силы не оставят моего зверя. Только в такие моменты моя голова прояснялась, и разного рода мысли укладывались по своим ящикам. Я подолгу мог лежать на мхе и корявых корнях вековых сосен. Но вот образ маленькой человеческой самочки так и не выходил из моей головы. Ириска поселилась там надолго, и, с одной стороны, мне это даже нравилось. Волку сразу понравился ее чистый сладкий аромат, а то, что она маленькая и совсем не похожа на девушку, можно исправить. Воображение подкинуло несколько вариантов и мысли опять поддались соблазну уйти не в том направлении.

«Она была в ужасе...», – заорал голос брата в моей голове. И мое внимание переключилось на ириску. Только сейчас до меня дошло, что брат говорил о ней. Наина – это ее имя.

Перед внутренним взором возникло бледное лицо девушки и ее угасшие глаза. Даже самого пробрало. Не хочу видеть таких глаз на ее милом личике. Мне нравится, когда они горят вызовом, как тогда, в палате. Снова представил ириску в белых апартаментах больницы... Она не должна там быть. Тем более, сейчас.

Подскочил с удобного кресла, толкнул телефон в карман. По пути накинул куртку и захватил ключи от недавно приобретенного монстра. На ходу натянул ботинки и крикнул маме:

– На ужин не ждите. Мам, я уехал.

Выскочил из дома и хлопнул дверью. Мотор моего внедорожника заревел белугой, педаль газа ушла в пол. Монстр сорвался с места, как реактивный самолет, оставляя отпечаток шин на заледеневшей дорожке у гаража. Моя махина неслась с такой скоростью, что я не видел ничего кроме полосы дороги, уходившей вдаль, петляющей в сопках и исчезающей за деревьями роц и лесов. Я выжал все, что можно из моего монстра, но я был у больницы через сорок минут. Не думал я о гаишных штрафах, о подрезанных автомобилях, о вопящих пешеходах. Аварий не было, ведь реакция у моего зверя отменная.

Я не думал, что творю, и не обращал внимания на медперсонал. Я просто влетел по ступеням, ворвался в главные двери и несся по коридору терапевтического отделения, ловя запахи лекарств, дезинфицирующих средств и больных, пы-

таясь выяснить, где находится ириска. Мне что-то кричали в спину, приказывали и требовали, но я никого не слышал. В голове билось одно: найти ириску и убедиться, что с ней все в порядке.

В этих стерильных ароматах и моей внутренней панике я просто потерялся. Как котенок, тыкаясь в каждую дверь, я вламывался в палаты, где ее никогда и не было. Зверь рычал и царапался под кожей, пытаюсь пробраться наверх и захватить власть надо мной. Я знаю, что он почувствует ее лучше, чем я, он всегда превосходит человеческую половину, но разумом понимал, что люди, увидев волка в больнице, поднимут такой хай, что я не то, что не выберусь отсюда, так меня еще и привлекут за осквернение человеческого лазарета.

Я продолжал метаться по длинному коридору от одной двери к другой. Все запахи смешались в сплошной непонятный сгусток. Кто-то схватил меня за рукав и дернул.

– Мужчина, вам следует покинуть больницу или вызвать специалиста, – за спиной раздался женский настойчивый и серьезный голос.

Я развернулся так быстро, что она отпрянула от меня. Высокая фигура в белом халате, приблизительно пятидесяти лет. Поседевшие волосы собраны в шишку на голове и уложены так, что ни одна прядь не покинула прическу при резком движении. Она смотрела на меня сурово и ошарашенно.

– Т-тимур С-семенович? – начала заикаться она и попятилась назад.

В ее глазах был животный страх. Я увидел свое отражение в ее бледных синих озерах. Неужели я такой монстр? Перекошенное лицо, на губах оскал, а глаза светятся огнем Присподней. Еще чуть-чуть и обращения не избежать, я просто не смогу остановиться.

– В кабинет! Быстро! – недалеко от меня раздался рык брата.

На меня словно бочку ледяной воды вылили. Я опешил, встал, как вкопанный, и уставился на приближающегося Тимура. Весь его вид и серьезный взгляд не сулили ничего хорошего. А его голос был не похож на голос тихого и простого мальчика. Теперь это был рык самого настоящего самца, защищающего свою территорию. И я здесь незваный гость. Я ощутил силу Альфы собственной шкурой, а мой зверь только одобрительно фыркнул. Это он его принял, как равного себе? Что-то я совсем ничего не понимаю.

– Я сказал «в кабинет!» – рявкнул брат снова и подтолкнул в сторону лестницы. – Что не понятно?

– Где она? – сопротивлялся я, с вызовом глядя в глаза Тимура.

– Отдыхает. Я не пущу тебя в таком состоянии к ней. И ты распугал всех моих работников, – спокойно ответил новоиспеченный Альфа. Он угрожающе сузил глаза и прорычал: – Ты на моей территории. В кабинет!

Он прав. Пришлось подчиниться. Я здесь никто, и он может сделать все, что посчитает необходимым, даже запретить

видеть ириску. Я не могу это допустить. Паника отступила, зверь успокоился. Я сделал глубокий вдох и последовал за братом. Проходя мимо последней палаты, я почуял ее. Слабый, еле уловимый запах. Ириска была за той самой дверью. Я наострил уши, но не услышал ничего кроме размеренного дыхания и биения сердца. Она спит. «Значит, кризис миновал», – с облегчением подумал я.

Мы поднялись на этаж реанимации и зашли в кабинет Тимура. Брат был молчалив и с интересом рассматривал меня, уперев бедро в свой рабочий стол. Он сложил руки на груди и казался очень серьезным. Я чувствовал себя нашкодившим щенком, которого сейчас отругают, высекут и отправят в подвал думать над своим поведением.

– Ну, и какого черта ты приперся сюда? – заговорил брат, не сводя своих темных глаз с меня.

Я молчал. А что я собственно скажу? Переживал? Беспокоился? Бред! Я сам-то себя понять не могу, а тут уже отчет требуют. Стою у двери, смотрю прямо, а что такого странного произошло? Ну, пришел повидаться с братом. А ириска? Дак, это так, стечение обстоятельств. Нутром чую, он мне не поверит.

– О, святая простота! Как же я не догадался, – воскликнул Тим, усмехнулся и продолжил свою отповедь, – Решил навестить брата. Он же не сможет с тобой встретиться по первому твоему зову. Так ты сам приехал. Какой нетерпеливый, – даже интонацию изменил типа: «отстань, противный!»

Я аж в осадок выпал. Это он сейчас так меня убить пытается? У него неплохо выходит, скажу я вам. Я даже рот от изумления открыл. Он чего это? Серьезно? А младший подошел ко мне, пощелкал пальцами у носа:

– Прием! Земля вызывает Темыча! – я моргнул, а этот оскалился, толкнул меня плечом в плечо и так доверительно шепнул: – Зацепила тебя Белова, ведь так? Уж не втюрился ли ты, старший? А?

И вызов в глазах светится. Руки зачесались морду эту нахальную начистить, чтобы чушь несусветную не нес. Я и человечка? Да ни в жизни! Я только за чистую кровь. Так, малость поиграть вздумалось. Мне же отец объяснял, что Альфой я стану, когда определюсь с парой. И не всегда она та самая, которую волки годами ждут, а подходящая волчица с сильной родословной. Мне уже, например, подобрали несколько вариантов в других стаях.

– Так, Тим, – собрался я с мыслями и мину безразличную нацепил. – Я че приперся-то. Предлагаю собраться на днях и отметить мое возвращение охотой. Молодежь возьмем на пару деньков в лес, а то потом не до того будет. У меня тут смотрины начинаются.

– Чего? – прыснул со смеху брат. – Какие смотрины? Ты чего удумал?

– Я что и хотел тебе рассказать, предки мне подыскали несколько неплохих вариантов в жены. Надо съездить, прицениться, так сказать товар лицом увидеть, – задрал я подбо-

родок. – А после свадьбы Альфа мне полномочия передаст. Надо успевать, такой передел грядет. Ух!

– Ты что-то знаешь интересного? – прищурился брат. Любопытно?

– Ты в курсе, что сынок нашего многоуважаемого мэра баллотируется на его пост?

– Ну, что-то слышал сегодня, – протянул задумчиво младший.

– А еще он собирает собственную стаю, – припечатал я.

Я наблюдал, как его темные глаза округляются до неимоверных размеров, а потом все его наваждение схлынуло, а на лице возникла озабоченность. А что я такого сказал?

– Кто его инициировал? Если я правильно понял, его кто-то сделал другим, – начал рассуждать вслух Тимур. – Даже думаю, за его спиной кто-то стоит. Молодой, заносчивый, он не мог сам ввязаться в борьбу за власть. Тем более на кон поставлен весь город. Не находишь это странным?

В словах брата я увидел смысл. Зачем сынку олигарха самому ввязываться во все это дерьмо? Сужу по себе, я точно не хотел всего этого. Прожигал бы жизнь на удовольствии, бабло, суки, адреналин. Что еще для счастья надо? Непроизвольно вспомнил наше знакомство на улице у салона связи. Поздний вечер, спортивная тачка. Сын мэра такой весь из себя дорогой, надменный, но прогнивший уже насквозь. «Из-за тебя упустил свою добычу, придется ее выслеживать», – услышал в голове его рычание. Он охотился на... Ириску.

– Вот только не могу понять, при чем здесь Наина Белова, – вырвал меня голос брата из воспоминаний и размышлений. – Она как увидела этот репортаж по телевизору, так чуть не отключилась. Еле успел подхватить ее, так бы и грохнулась на пол.

– Ч-что? – не смог сформулировать свой вопрос, но брат всегда обладал магией понимать меня с полу-слова.

– Эфир, где мэр говорит, что уходит с поста, называет кандидатуры и тому подобное, – почесал за ухом Тимка.

– А имя – Борис Покровский – звучало?

– Вроде бы да, но я как раз на Наину смотрел, а она побелела и оседать начала, я и бросился к ней, – растеряно сказал братишка и весь такой обычный стал, словно и не было Альфы только что.

Теперь пазл начинает складываться. Ириска знает Покровского-младшего, а он знает ее и будет охотиться... на нее. Но все равно не понятно, зачем ему сдалась неприметная девчонка. Хилая, слабая, невзрачная, да и медведем от нее прет за версту. Хотя... «Меня же зацепила», – рыкнул зверь. «Ну, не знаю... Может и есть в ней что-то», – пожал плечами я. Вот только я еще не разглядел это «что-то».

Мы еще долго говорили обо всем и ни о чем. Казалось, я настолько успокоился, что расслабился и позволил себе забыть об этих нескольких днях. Сидя на кожаном диване и потягивая крепкий чай с конфетками, я стал задумываться над своей будущей судьбой. О том, что ждет меня после об-

речения пары, получения стаи, и как сложится судьба брата. А еще меня волновал вопрос о власти. Целый город прибрать к своим лапам захочет каждый оборотень, но кто даст гарантию, что отношения между двумя видами останутся на прежнем уровне, если не ухудшатся совсем.

– Тем, думаю, уже поздно. Тебе пора домой, а у меня еще дежурство, – вырвал меня из тумана мыслей младший. – Тебе ключи от квартиры дать или ты в стаю поедешь?

К родителям точно не поеду, я маму предупредил, что меня не будет. В его квартиру? Тоже не хочется, это его территория.

– Здесь останусь, – вздохнул я и поднял голову, смотря на брата. – Пойдем, проведем Наину?

Эта просьба сорвалась с губ так легко, сам очумел. Сижусь и не дышу, а Тимка посмотрел на меня так, будто знает он все, что у меня в голове творится. Кивнул и поднялся с дивана. Мне показалось, или в его глазах, и правда, что-то интересное мелькнуло?

– Пошли, она, наверное, до сих пор спит, – вздохнул Тимур, а потом обернулся ко мне и прищурился, – Только не говори мне, что она тебе безразлична. Ты бы себя сегодня видел...

В коридоре было тихо и безлюдно. Приглушенный свет оттенял стены и пол бликами. Медсестра на дежурстве за своим рабочим столом тихонько сопела. Пахло хлоркой, валерианой и корвалолом. Подоконники заставлены горшками

с растениями. Запахи смешиваются в нечто невообразимое, хочется морщиться и чихать, но я держусь. Не привык показывать свою слабость. Тимур предусмотрительно кинул мне белый халат, что ж будем соответствовать.

Глава 6

(Наина)

Этот страшный сон не может закончиться еще кошмарней. Я бежала по лесу, спотыкалась и падала, но поднималась и вновь бежала. Эта гонка меня вымотала. Я понимала, что сплю, но не могла проснуться. Мой разум разыгрался, представляя сознанию мои самые потаенные страхи. Ощущение, что меня вот-вот догонят и растерзают, было настолько ощутимо, что я просто не могла остановиться и заставить себя посмотреть своему страху в глаза. Затылком чувствуя прожигающий взгляд, я ускорила, как могла. Силы оставляли, ноги подкашивались, а ладони и колени были изодраны в кровь. Страх. Животный ужас. Мой ночной кошмар. Последний рывок, последний вдох, и крик, раздирающий горло до хрипа. Толчок и я падаю лицом в густую траву. Пытаюсь снова подняться, но силы оставляют мое слабое тело, и мне остается только сделать последний предсмертный вдох. Запах сырой земли и свежей травы врывается в мой нос. Ладони зарываются в хвойные иголки, и я пытаюсь подняться. Но не тут-то было. В спину упирается что-то твердое и давит к земле сильнее, а над головой раздалось угрожающее утробное рычание. На голову упала первая тягучая капля, и меня

сковал ужас. Слюна. Либо зверь голодный, либо он в бешенстве. И то, и другое ничего приятного не сулит. Его нос прошелся по моей голове от затылка до шеи. Горячее и тяжелое дыхание скользнуло на кожу. Я вздрогнула, когда моей шеи коснулись острые зубы. Крик застрял в горле, а челюсти монстра резко сомкнулись, впиваясь в тонкую кожу. Жгучая боль резанула шею. С каждой секундой клыки впивались все сильнее и сильнее, разрывая мое сознание. Тело забилось в конвульсиях. Меня трясло так, что я готова была взорваться от боли, обиды и безысходности.

– Тише, тише, Наина. Все хорошо. Это просто сон, – раздалось над ухом тихо и спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.